

Никогда не поздно начать всё заново!

Орешек для трёх Золушек

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет

Наталия Миронина

Орешек для трёх Золушек

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Орешек для трёх Золушек / Н. Миронина — «Эксмо»,
2017 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-699-93880-3

Чтобы помочь дочери воспитывать детей, Ольга Лопахина отказалась от любви к итальянцу, который звал её замуж... И вот теперь малышки стали подрастать – и в услугах бабушки перестали нуждаться. Ольга, ещё такая молодая, красивая, оказалась ненужной... Встретившись с подругами, одной из которых все двадцать с лишним лет брака изменял муж, а другую гнал в бесконечные путешествия страх одиночества, она решила круто изменить жизнь. Бросив всё, три подруги поселяются в дальнем Подмоскowie. Тишина, природа, покой. Правда, на работу в столицу ездить весьма непросто. Так что оправдано ли это бегство? Может, пора прислушаться к просьбам родни и вернуться? Но проблемы молодого бизнесмена, сдавшего дамам жильё, заставляют их ещё раз перевернуть всё с ног на голову – что они и делают с азартом и удовольствием...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93880-3

© Миронина Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталия Миронина

Орешек для трёх Золушек

© Миронина Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Кто из нас не пытался сбежать от себя? Все, без исключения, мы это делали, и не один раз, но возвращались к себе, только другим, измененным. И зачастую не могли понять, что же было главным – перемены, которых так хотелось, или сама решимость совершить этот поступок?

Глава первая

Ольга Евгеньевна выбрала бледно-сиреневое платье. Нежная ткань, еле заметный мелкий рисунок, расклешенная юбка и узкий верх – все это подчеркивало ее тонкую фигуру, придавая мягкость силуэту. «К нему подойдут аметисты, – размышляла она, перебирая украшения в большой шкатулке, – длинные серьги и несколько ниток бус». Найдя все требуемое, Ольга Евгеньевна уселась перед зеркалом и стала внимательно себя разглядывать. В этом занятии было что-то от медитации – поставив локти на полированный столик трюмо, она скользила взглядом по собственному отражению и отмечала все, что в суете будней от нее ускользало. Вот, например, волосы. От природы пепельные, они сейчас стали чуть светлее, но это была не седина, а просто дымка. Словно волосы выгорели на солнце. Ее кожа, тонкая, идеальная, без пятнышка, без красноты, без веснушек, оставалась такой уже много лет, только вот сегодня Ольга Евгеньевна обнаружила вдруг морщинки вокруг губ, под подбородком и – о ужас! – на лбу. На прекрасном высоком лбу, который всегда был белее и ровнее снега. «Эти морщинки появились давно, я просто их не замечала!» – подумала она. Тот факт, что все приметы времени появились не сию минуту, а много месяцев назад, ее успокоил. К давно случившемуся положено относиться со смирением.

Больше всего Ольге Евгеньевне нравились ее глаза – в темных, но не черных ресницах большие серые глаза походили на драгоценные камни. И это было вовсе не преувеличение – ее глаза были не только большими, но и блестящими, глубокими, мерцающими в тени пушистых ресниц. «Да, глаза – это мое богатство!» – подумала Ольга Евгеньевна и почувствовала, как на смену ежедневной покорности и «примятости» приходит радостное возбуждение...

– Мама, ты все у зеркала сидишь?! – за дверью раздался резкий голос, потом шум – дверь, против обыкновения, открыли без стука. И сразу в комнату ворвалось раздражение.

– Нет, Леночка, я уже не сижу, – спохватилась Ольга Евгеньевна, – я собираюсь!

– Нет, ты можешь еще посидеть, я тебя не трогаю. Я вообще не возражаю, ты можешь сегодня хоть целый день провести в своей комнате! – Дочь Елена, открыв нараспашку дверь, тут же повернулась и ушла куда-то в глубь квартиры. Оттуда доносилось ее раздраженное бормотание.

– Лена, я уже готова идти гулять с девочками! Не переживай, поезжай по своим делам! – Ольга Евгеньевна вскочила с пуфика, на котором сидела перед зеркалом, и бросилась в детскую. Там ее ждали близнецы Саша и Маша. Обе обожали бабушку за то, что, в отличие от матери, она никогда не кричала, не ворчала и умела петь песни на незнакомом красивом языке.

– Синьорины! Готовы ли вы предпринять путешествие в волшебные сады? – послышался голос Ольги Евгеньевны из детской. Ответом ей были восторженные возгласы внучек и раздраженные замечания дочери и зятя.

– Господи, не дай бог, девочки в школе будут потом так разговаривать! – проворчала с осуждением Лена.

Ольга Евгеньевна, подхватив внучек, весело попрощалась с дочерью:

– Леночка, мы ушли! Не волнуйся, занимайся своими делами!

На улице было тепло и солнечно. Ольга Евгеньевна почувствовала себя так легко, словно за дверями дома осталось все, что сковывало ее душу. «Господи, до чего я глупа и неблагодарна! – подумала она про себя. – У меня умная дочь, хороший зять и любимые внучки! У меня вообще замечательная жизнь...»

– Синьора, о чем вы задумались? – дернула ее за руку Маша, оторвав от размышлений.

– Вам нельзя быть такой! Вы же волшебница! – подхватила Саша.

Ольга Евгеньевна улыбнулась и повела внучек есть сырники. Была у них такая тайная традиция – угощаться горячими сырниками в маленьком кафе на углу переулка.

Ольга Евгеньевна Вяземская между тем была женщиной молодой. Ей исполнилось всего пятьдесят четыре года. История ее жизни была проста – замужество, рождение дочери, ранняя смерть мужа. Овдовев, Ольга Евгеньевна почти не поменяла распорядок жизни. Все так же воспитывала дочь, все так же зарабатывала деньги. Когда ей сочувственно кивали – мол, без мужа, все на ее плечах, – она помалкивала. О покойниках плохо не говорят, но до смерти мужа и так все было на ее плечах. И, кстати, сам супруг тоже. Дочь Елена выросла очень правильной, ни малейшего отклонения от заданных целей: школа, институт, замужество. Она и мужа выбрала под стать себе – правильного, «четкого». Ольга Евгеньевна обрадовалась, поняв, что дочь нашла свое счастье. Обрадовалась и вздохнула с некоторым облегчением. В этот момент в ее жизни происходили некие перемены, которые приятно будоражили кровь. Ольга Евгеньевна, выполняя перевод одного из сборников по вопросам международной политики, познакомилась с весьма импозантным господином, депутатом итальянского парламента. Покоренный стройным станом, серыми глазами и белоснежным лицом, он стал ухаживать за ней, совершенно позабыв о своей жгучей, полненькой жене, оставленной на родине.

– Я не могу с вами встречаться! – сказала ему застенчиво Ольга Евгеньевна, потупив глаза. – Вы женаты. Вы – католик, вы не можете развестись.

– Могу. Я – депутат и богатый человек, – прямолинейно отвечал итальянец. – Выходите за меня замуж.

– Пока еще вы женаты, – улыбалась Ольга Евгеньевна. Она, с одной стороны, пугалась южного напора, с другой стороны – влюбилась, с третьей – боялась, что скажет дочь. Лена была очень правильной и очень суровой.

Итальянец задумался, отступил, потом как бы случайно познакомил Ольгу Евгеньевну со своим родным братом.

– Где ты нашел эту роскошную северную кошку?! – Тот был покорен Ольгой Евгеньевной, ее вкрадчивыми повадками, пепельными волосами, серыми глазами.

– Я еду просить развод, – почувствовав поддержку семьи, принял решение депутат. Он умчался в Италию, наказав Ольге Евгеньевне ждать. Времени для устройства всех дел требовалось немало.

В Италию Ольга Евгеньевна позвонила через несколько месяцев. Она почти плакала, просила прощения, умоляла оставить все как есть.

– Я не смогу уехать из Москвы и оставить дочь. У нее будет двойня. Мы так ждали этого, так ждали! Но роды будут тяжелыми. Я нужна здесь.

Как ни уговаривал ее итальянский депутат подумать о будущем, обещая всех перевезти в Италию, нанять сиделок и нянь, как ни умолял, Ольга Евгеньевна оказалась непреклонна.

– Я люблю тебя. Но ты такая русская, такая упрямая! – сетовал депутат горестно. Они еще немного повстречались, попереписывались, а потом пришло время выхаживать внучек, и Ольга Евгеньевна позабыла обо всем на свете. Так пролетело пять лет. За это время она ни разу не посмотрела ни на одного мужчину, те иногда бросали взоры на изящную даму, но внучки, повисшие на ее руках, явно были грузом, который потянут не все. Ольга Евгеньевна всегда была «в форме»: с прической, хорошо одета – никаких случайных кроссовок, стоптаных туфель или старых курток. Губы накрашены нежным перламутром – она осталась верна любимой помаде, хотя визажисты и утверждали, что перламутр – помада молодых. Ольга Евгеньевна за собой следила, но в этом не было готовности к романам, к встречам, к неожиданному счастью. Эта мобилизация женских сил объяснялась, скорее всего, дисциплиной.

Вот и сейчас в кафе она сидела в кремовой блузке, в строгих брюках, словно не бабушка малолетних внучек, а дама, зашедшая выпить в спокойном одиночестве привычную чашку кофе.

– Ба, а куда ты сегодня идешь? Мама сказала, что ты уходишь гулять, – спросила внезапно Маша, размазывая малину по теплому сырнику.

– Я иду встречаться с подругами.

– А у тебя есть подруги? – удивилась вторая девочка. – Мы их никогда не видели.

– Есть. Только мы не очень часто встречаемся.

– Почему?

– Ну, – ответила Ольга Евгеньевна, – у взрослых столько дел, что времени иногда не хватает.

Она хотела добавить что-то еще, но раздумала – сидящие перед ней пятилетние кокетки еще ничего не знали о трудностях зрелого возраста.

Уезжала она в шесть часов. Девочки под присмотром матери писали буквы. Лена строго следила, чтобы обстановка в детской была как на уроке.

– Пока все не сделаете, играть не разрешу.

Ольга Евгеньевна, нарядная, в тонком платье, с маленьким жакетиком в руках и сумочкой, вошла попрощаться.

– Бабушка! Ты такая красивая! – закричали внучки и вскочили со своих мест, забыв наказ матери.

– Ты – как та самая герцогиня из замка! Которая на лошади проскакала всю ночь! – Маша трогала тонкое платье и шумно вдыхала аромат духов.

– Мама, мы занимаемся, – ледяным голосом напомнила дочь.

– Да, девочки, да, возвращайтесь за свои столики. – Ольга Евгеньевна поцеловала внучек и, обращаясь к дочери, спросила: – Как я выгляжу?

– Нормально, – пожала плечами та, – только волосы давно надо отрезать. Нелепый старческий кукиш на макушке.

– Ну, отрежу, отрежу, – поторопилась сказать Ольга Евгеньевна, она очень боялась, что дочери все-таки удастся испортить ей настроение.

– Ты только говоришь, – безжалостно продолжила та, – и ничего не делаешь, чтобы молодо выглядеть.

– Дочка, мне всего пятьдесят. С небольшим, – напомнила мать.

– И что? Зрелый возраст, который еще вполне можно замаскировать, – парировала дочь.

Ольга Евгеньевна вышла из детской. Оказавшись на улице, она улыбнулась, постаравшись забыть о резкости дочери. «У меня все отлично!» – сказала Ольга Евгеньевна сама себе. И действительно, на ней было красивое платье, ее ждал отличный вечер, и ей было чем похвастаться перед старинными подругами – у нее первой появились внуки. Более того, это были внучки, красивые девочки, кокетливые и смышленные не по годам.

Подруги встречались редко – раз в несколько лет. Они переписывались, созванивались, были в курсе дел друг друга и при необходимости приходили друг другу на помощь. Но вот встречи, обстоятельные, долгие, с разговорами за полночь – такое случалось нечасто, а потому было для них событием, занимающим особое место в душе. Они не были одноклассницами, не были институтскими подругами, не работали вместе. Жизнь их столкнула в непростой для каждой момент, и каждая повела себя порядочно и преданно, а потому сохранились эти чувства – чувства благодарности, доверия и откровенности. Оказалось, что для крепкой женской дружбы этого достаточно. И теперь, как бы и когда бы подруги ни встретились, они понимали друг друга с полуслова, лишнего не спрашивали, но, если была нужда, выслушивали внимательно и помогали по-настоящему.

На этот раз, невзирая на все контрдоводы «да что мы стеснять тебя будем» и «мы твоей семье все выходные испортим!» – Лопахина затащила подруг к себе.

– Девочки, решено, собираемся у меня! Даже не хочу ничего слушать, в пять часов жду. Я даже вас встретить могу. Одним словом, ждите от меня известий.

Лобахина лукавила – она приготовила подругам сюрприз, но раскрывать его было еще рано. Подруги не устояли под напором и согласились.

А два дня назад Зинаида Алексеевна заехала в знакомый ресторан, чтобы сделать заказ. Времени для приготовления ужина у нее было немного – на работе ожидался аврал, а потому всевозможные закуски, горячее и десерт ей пообещали привезти.

Красавец Хасан, администратор заведения, где Лобахина заказала ужин, был легендой. В своем форменном костюме он напоминал то ли офицера фельдъегерской службы, то ли известного циркового артиста. Тонкое восточное лицо, осанка, блеск миндалевидных глаз и изысканные манеры производили на людей неизгладимое впечатление. А еще он работал так, что каждому гостю ресторана казалось, будто все эти священнодействия только ради него одного. Хасан был нарасхват – его приглашали работать на юбилеях, корпоративных торжествах, свадьбах и днях рождения.

– Хасан, ко мне приедут подруги – нужен ужин. Мы не виделись черт знает сколько времени. Придумай что-нибудь такое, необычное.

– Придумаем, – кивнул головой Хасан и придвинул к себе свой разбухший ежедневник. – Восточные мотивы?

Лобахина задумалась. Восточный ужин был бы неплох – Ольга вечно ела что-то безвкусное, деликатное, Софья в своих заграницах наверняка все больше итальянскую кухню осваивала.

– Хасан, но что? Шашлык? Овощи на гриле? Лепешки? Хасан, это уже все было, не удивишь.

– Зачем шашлык?! Хотя, я думаю, что ничего лучше человечество еще не придумало. Нет, мы подадим помидоры с кинзой и гранатовыми зернами. Потом почки.

– Почки? Не все их любят...

– Не ели наших, поэтому не любят, – невозмутимо ответил Хасан.

– Хорошо, но на всякий случай еще что-нибудь...

– Конечно. Бараньи отбивные с виноградным соусом.

– А я таких у вас не видела.

– Недавно стали готовить. Так вот, отбивные, свежие овощи, зелень.

– Лепешки...

– Нет, к таким блюдам нужен хлеб. Обычный. А вот к десерту – лепешки.

– Как скажешь. А закуски?

– Немного. Так, для аппетита – вяленое мясо, сало с черемшой, бастурма.

– А это разве не вяленое мясо?

– Бастурма – это бастурма...

– Десерт?

– Чай, с травами. Лепешки свежие, варенье из лепестков роз и грецких орехов. Ну, и пахлава верченая.

– Господи, Хасан, это что?

– Это кольца из слоеного теста с орехами и медом.

– Наверное, вкусно.

– Очень. Во сколько все привозить?

– К четырем. В пять у меня уже будут люди. Не хочу, чтобы остыло. Да и ждать не хочется.

– Еда будет в специальной упаковке. Не остынет. Вам помогут все разложить, расставить и уедут.

– Спасибо, дорогой Хасан!

Лобахина попрощалась с администратором, поднялась и прошествовала к выходу. По пути ей попалось огромное зеркало, и, глянув в него, она рефлекторно выпрямила плечи и втянула живот. Собственное отражение ответило на эти усилия появлением двух дополнительных

подбородков. «Тьфу, черт! – в сердцах про себя чертыхнулась Зинаида Алексеевна. – Пора бы уже привыкнуть, что мой живот втянуть невозможно, как невозможно исправить и широкие бедра!» Садясь в машину, она краем глаза оглядела ноги. Ноги ее оставались еще вполне молодыми, полными, но без «подушек» на коленках.

Зинаида Алексеевна Лопахина была интересной крупной дамой сорока восьми лет. При встрече с ней взгляд в первую очередь отмечал гриву медных волос. Медь была своя, родная, чуть разбавленная сединой. Лопахина ее не закрашивала. Ей нравились эти поблескивающие в локонах ниточки, намекающие на жизненный опыт. Из всех дамских ухищрений она использовала только косметику. Использовала щедро – широкие подведенные брови, интенсивная бирюза на веках, румяна и помада все той же меди. Эта яркость ее не портила, не делала пошлой, не старила. Она просто довершала образ – образ крупной и сильной женщины, которая вела себя так же, как и выглядела: ярко, уверенно, иногда даже агрессивно-радостно. Когда однажды кого-то из близких Лопахиной спросили о ней, он задумался на секунду, а потом ответил: «Она из тех женщин, которые любят есть сладкий крем большой ложкой. Прямо из кастрюли!» Да, это действительно было о ней, наслаждавшейся жизнью вовсю. Но многие черты ее характера «образовались» вынужденно – Лопахина так долго сражалась за успех и достаток, что это неизбежно сказалось на ее поведении.

Зинаида Алексеевна была кондитером. И не просто кондитером, а самым главным человеком, отвечавшим за изготовление тортов и десертов. Работала Лопахина в крупной частной компании, пользовалась доверием администрации и, несмотря на руководящий пост, до сих пор частенько стояла у печей, выпекавших бисквит, сама готовила крем, сама украшала изделия. Делала она все мастерски. Впрочем, Лопахина бы могла профессионально изготавливать и самолетные крылья, да ее, когда-то единственную девушку, выпускницу факультета самолетостроения, никто об этом сейчас не просил. И десять лет назад тоже намекнули, что необходимости такой нет. Лопахиной надо было кормить семью, и она, уволившись из закрытого конструкторского бюро, пошла работать поваром в одну состоятельную семью. Лучше всего у нее получались торты и пироги. Подкопив денег, заняв недостающую сумму, она открыла свой кондитерский цех, который вполне успешно вписался в столичный рынок. И дела бы шли хорошо, но тут сначала грянул очередной кризис, а потом Лопахину подмяли конкуренты. Впрочем, конкуренты были умны, а Лопахина практична и сообразительна. После того как ее предприятие поглотил крупный концерн, она не разобиделась, не хлопнула дверью, не пошла гордо «начинать с нуля». Нет, она сумела договориться с обидчиками и осталась кондитером, но только уже подчиненным. Правда, через некоторое время ей уже доверяли, предоставляя относительную свободу, и, видя ее профессионализм, платили очень приличные деньги.

Пережить Зинаиде Алексеевне все эти события помогла любовь. К деньгам. Зинаида Алексеевна обожала их с какой-то детской непосредственностью. Она радовалась купюрам, особенно новым, хрустящим. Восторженно рассматривала кредитные карточки и пробовала на ощупь ценные бумаги, которые покупала осторожно, по чуть-чуть. В этой ее любви не было ничего предосудительного – ее семья в трудные времена буквально голодала, а сыновья носили одежду с чужого плеча. Зинаида Алексеевна полюбила деньги за то, что они дали ей возможность выбраться из этого. Они дали образование ее детям, своевременное лечение маме и, наконец, главное, о чем мечталось ей с того самого момента, как она поняла, что наступившие времена сулят невиданные до сих пор возможности, – они дали ей собственный дом. Ну, здесь ей пришлось немного поспорить с мужем, который предпочитал городскую квартиру, а не пригород с его неспешным образом жизни. Выслушав все доводы супруга, Лопахина взяла на раздумья пару дней, а потом, не говоря никому ни слова, наняла бригаду рабочих и начала строить дом.

В день встречи с подругами Зинаида Алексеевна не пошла на работу, решив, что единственный раз может себе это позволить. Тем более что накануне она вернулась почти в

три часа ночи – изготавливали многоярусный свадебный торт. Лопахина не уезжала до тех пор, пока сахарной глазурью не покроют последний сантиметр и не водрузят на вершину фигурки жениха и невесты. «Господи, знали бы молодожены, что их ждет потом!» – невольно думала она, проверяя качество миндальной крошки. Сейчас, утром, когда она, проснувшись, лежала в кровати на втором этаже их малюсенького дома, ей казалось, что у нее внезапный отпуск. Зинаида Алексеевна посмотрела в маленькое оконце своей маленькой комнаты. Ее мечта, ее дом, на который она с таким трудом собирала деньги, был крохотным. И все в нем было маленьким: комнаты, коридоры, ванны. Участок достался Лопахиной от дальних родственников, домик она строила года три, зато сейчас у сыновей имелись свои комнаты рядом с гостиной на первом этаже, и еще было две комнаты наверху. В одной обитал муж, в другой – она. Зинаида Алексеевна ужасно начинала гордиться собой, когда вдруг вспоминала, что сама построила этот домик. «Ну, да, каждую копейку откладывала, ни одного платья себе не купила за это время. Зато теперь свой дом, а если Лопахин еще хоть слово скажет – выселю!» – привычно заканчивала она свою думу. Дело в том, что муж имел обыкновение насмешливо отзываться о масштабах жилья.

– Боюсь, нам не по карману еще одна пепельница, – шутил он.

– Почему это? – удивлялась Зинаида Алексеевна.

– Тогда придется телевизор вынести на улицу.

Да, теснота была, но это была своя собственная теснота, на собственной земле, что стоило дорогого. Сейчас, в ожидании встречи, Лопахина особенно остро чувствовала радость обладания своим жильем. «Вот, могу похвастаться – собственный дом! Теперь уже могу похвастаться! Все достроили, все посеяли, все оформили!» Зинаида Алексеевна поднялась с кровати, надела халат и по-хозяйски обошла свои владения. Она не рассердилась на сыновей, оставивших в комнатах беспорядок. Навести его Лопахиной было несложно. Потом она с удовольствием составила тарелки и чашки в посудомоечную машину – без нее это никто не сделал, – разложила по местам газеты, журналы, одежду. Выйдя в сад, нарезала цветов и расставила их в вазы. Затем достала большую скатерть – когда-то она ее купила за бешеные деньги, однако скатерть, несомненно, того стоила: вышивка белым шелком была тонкой, но придающей скульптурность ткани. Тогда, во времена их безденежья, все удивлялись ее поступку, а муж так просто ругал на чем свет стоит.

– Ну, видимо, мы будем питаться ею. Отрезать по кусочку и варить в кастрюле, – язвил он.

А Зинаида Алексеевна молчала. Она уже тогда, в самые тяжелые времена, знала, что наступит момент и эта скатерть ляжет на красивый стол в ее доме.

Из шкафа Лопахина достала парадный сервиз. Они так ни разу и не пользовались им – все было некогда, все спешка, да и гости сюда, за город, приезжали нечасто. Зинаида Алексеевна расставила посуду, положив на каждую тарелку маленький сувенирчик и смешную открытку. Букет для обеденного стола она составляла долго – ей хотелось сделать что-то совсем простое, деревенское, что не затмило бы красоту белой скатерти и тонкого фарфора. В конце концов она налила в неглубокую хрустальную тарелку воды и бросила туда несколько роз. Они поплыли по маленькому озерцу, а потом замерли. «Вот, это то, что надо!» – с удовлетворением отметила Зинаида Алексеевна и поднялась на второй этаж. По пути в ванную зашла в комнату мужа. Вообще-то теперь она делала это редко – его тайны ей были уже неинтересны. Она мельком взглянула на аккуратно застеленный пледом диван, поправила занавеску и обнаружила, что компьютер не выключен. Лопахина протянула руку к нужной кнопке, но тут словно бес толкнул ее под локоть. Она вдруг взяла «мышку» и без труда открыла страницу, на которой, вероятно, с утра побывал муж. Зинаида Алексеевна увидела фотографии. Все они были приличные – никакой порнографии. Никаких откровенных сцен, никаких объятий. Это были фотографии большого дома с бассейном на огромном ухоженном участке, фотографии огромной гостиной со старинной мебелью, кухни с очагом, искусственно закопченным и увешанным медной посу-

дой. Лопахина все это просмотрела, а потом прочла комментарии. Потом открыла еще пару фото, полюбовалась какой-то худощавой блондинкой в коротком платье и выключила компьютер. Она выключила его прямо из розетки, не став терять время на все эти манипуляции с сохранением файлов. «Ничего нового. Мой муж удивительно однообразен!» – вздохнула Лопахина, заходя в ванную комнату.

Когда до встречи с подругами осталось всего сорок минут, Зинаида Алексеевна, одетая в широкое платье и мягкие замшевые сапожки, вышла из дома. Она выглядела модно и не очень нарядно. Зинаида Алексеевна всегда избегала торжественности в одежде. Пройдя к воротам, она по-хозяйски оглядела кусты сирени, жасмина, клумбу с однолетниками. Она так делала всегда, когда покидала дом. И этот последний взгляд доставлял ей такое удовольствие, придавал столько энергии и счастья, что полученных эмоций обычно хватало на весь рабочий день. Но на сей раз она не почувствовала хозяйской радости. Скорее по привычке проявила внимание к любимым вещам.

Зинаида Алексеевна выехала из ворот. Все шло по плану. Ужин доставили – нужно было только разложить все по тарелкам. Она сейчас встретит подруг у ближайшего метро и привезет их сюда. Сыновья, несмотря на уговоры, уехали по своим делам, муж, который терпеть не мог гостей вообще, а ее подруг в особенности, обещал быть поздно. Зинаида Алексеевна решила, что не имеет смысла переживать из-за того, что все складывается не так идеально, как хотелось бы. «А как хотелось?» – тут же мысленно задала она вопрос. И ответила сама себе же: «А хотелось, чтобы подруг встречала вся семья: и муж, и сыновья. Чтобы мужчины ухаживали за дамами, шутили, предлагали вино. Чтобы муж произносил тосты, чтобы он развел огонь в маленьком очаге. Хотелось, чтобы рядом со мной была моя семья». Зинаида Алексеевна вдруг почувствовала, что вот-вот расплечется. «Господи, да я просто дура. Ну о чем мы сможем поговорить в присутствии детей и мужа?! О чем посплетничаем, пошушукаемся?! Это ведь наша встреча, и хорошо, что я буду принимать девочек одна. Никому не интересны разговоры пятидесятилетних женщин, которые не виделись целую вечность!»

То ли окружающая природа подействовала на нее, то ли движение, то ли солнце, которое уже готовилось скатиться за лес, но к Москве Лопахина подъезжала уже в другом настроении: она была готова к радости от долгожданной встречи. «Это здорово, когда есть «тетки», с которыми так просто и легко. И которые, если что, всегда будут рядом!» Зинаида Алексеевна была восторженной дамой, а потому в ее груди что-то аж всхлипнуло. Впрочем, женское, суетное тут же напомнило о себе: «Ну, сегодня девчонки удивятся, они думают, что встречаться будем в старой квартире! А я их привезу сюда, в СВОЙ ДОМ!» Зинаида Алексеевна порадовалась, что вчера привела в порядок розы, чуть-чуть подстригла куст бирючины – теперь он выглядел забавной фигурой посреди лужайки. Еще она бросила подушки и пледы на новую садовую мебель – это было куплено специально перед приездом гостей, несмотря на возражения мужа. «Да, домик маленький, но уютный, и обстановка в нем очень милая!» – подумала Зинаида Алексеевна и почувствовала себя окончательно счастливой.

Софья Леопольдовна путешествовала много и, как правило, налегке. Сборы были короткими. В небольшую дорожную сумку укладывалось только самое необходимое: смена белья, валидол и анальгин, немного косметики, пара обуви. Она улетала, уезжала, но никогда не интересовалась погодой в тех местах, где окажется через некоторое время. Она не волновалась о зонтах, теплой обуви и одежде. Ей нравилось заскочить в магазин и купить себе что-нибудь из платьев, не дорогих, но меняющих облик. Со стороны могло показаться, что это такая особенная игра с переодеванием, в которой вместе с пальто или шляпой другой становилась не только походка, другим становился характер.

Путешествовала Софья Леонидовна просто и с удовольствием – она казалась «лакомым кусочком» для туристических агентств, более покладистую клиентку найти было сложно.

– Можно поехать в Прагу. Или Рим, – предлагали ей.

– Можно. Если мне не понравится в Праге, отправлюсь в Рим, – с готовностью кивала она.

Софья Леопольдовна следила за всеми скидками, акциями, собирала льготные жетоны и купоны, копила бонусы и мили. Она участвовала в лотереях, очень осторожно, дотошно, по-немецки высчитывая и возможный проигрыш, и возможный выигрыш. Еще она знала все свои права и льготы – и то и другое позволяло разнообразить жизнь.

– Вам все равно куда лететь? – однажды все-таки удивился кто-то.

– Ну, да... – улыбнулась она, а потом добавила, чтобы не показаться совсем уж странной: – У меня везде есть знакомые. И дела.

Софью Леопольдовну обожали билетные кассиры, официанты и таксисты. Первые подсовывали ей билеты, от которых отказывались все остальные, вторые не спешили обслужить, третьи пытались обмануть, везя самым длинным путем. Что самое интересное, она почти безропотно соглашалась со всем, что ей предлагали, и, в конце концов, выигрывала. Билетный кассир все равно отыскивал хороший билет, официант спохватывался и не отходил от нее до тех пор, пока не подадут последнее блюдо, а таксисты, вместо того, чтобы взять чаевые, давали щедрую сдачу. Что было в ней особенного, заставлявшего всех так вести себя? Неясно. Соседи и попутчики, которые проникались к ней уважением и симпатией, тоже затруднялись ответить на этот вопрос. Оставшаяся всегда в стороне, спокойная, улыбчивая, молчаливая, она все равно становилась центром, и окружающие наперебой старались завладеть ее вниманием. Но и в этой ситуации, когда любая другая могла бы повести себя дерзко и заносчиво, Софья Леопольдовна почти не менялась. Никого не удивляло ее ласковое и умелое обращение с детьми, никто не умилялся почтению к глубоким старикам, но все без исключения отмечали сдержанность и достоинство, которые сквозили в общении с ровесниками и людьми, равными по положению.

– Вы обязательно должны приехать! Без вас все будет не так! – зазывали ее. И, произнося это, все действительно верили, что без нее все будет не так, как надо бы. Софья Леопольдовна улыбалась в ответ скромной улыбкой, словно понимала незаслуженность такого к себе отношения.

На встречу с подругами Софья Леопольдовна летела из малюсенького города Плеттенберга, который находился в Вестфалии, на западе Германии, и в котором она жила последние семь лет. Поскольку встреча планировалась заранее, Софья Леопольдовна, со свойственной ей тягой к перемене мест, устроила все так, что по дороге в Москву посетила Марбург, Веймар и уже из Лейпцига полетела в Москву.

– Я не была в этих прелестных городах. Это история Европы, я должна их посмотреть! – сказала она дома и принялась высчитывать стоимость путешествия на автобусе. Ей, как всегда, повезло: в огромном туристическом автобусе, который вез пенсионеров на экскурсию, оказались свободные места. Софья Леопольдовна быстро собрала сумку, забронировала билеты в Москву и отбыла.

– Что-то маме совсем не сидится на месте, – за ужином пожаловалась дочь.

Ее муж Хайнрих только пожал плечами. Он свою русско-немецко-еврейскую тещу не понимал вовсе. Хайнрих вырос здесь, в Плеттенберге, здесь же учился, здесь же пошел работать. Да, он тоже любил путешествовать – был в Берлине, Бонне, Гамбурге и Мюнхене. И в командировки ездил. Конечно, самые лучшие поездки – это поездки на море, однажды они были в Греции, а сейчас планируют отправиться в Египет. Но, впрочем, Египет под вопросом – надо решить вопрос с жильем. Хайнрих считал, что для них троих квартира маловата, и подыскивал жилье побольше.

– Зачем нам четыре комнаты? – удивлялась его жена Аня, дочка Софьи Леопольдовны. – Нам и так хватает.

Им действительно хватало, поскольку теща дома практически не жила. Софья Леопольдовна умудрялась путешествовать все свободное время. А если учесть, что работала она удаленно – составляла анкеты социологических опросов для местных профсоюзов, – то времени для поездок у нее было достаточно. И на здоровье, слава богу, она не жаловалась.

– Я успею еще насидеться дома, – улыбалась она своей ясной улыбкой.

Дочь недоверчиво поглядывала на мать, пыталась вызвать на откровенный разговор, но ничего у нее не получалось. Их жизнь в малюсеньком городке разнообразием не радовала. Сказать больше – она была скучна. Но не столько на события – их как раз происходило много: фестивали, концерты, праздники профессий, соревнования – в рамках своего досуга народ здесь отличался подвижностью, не стеснялся и не ленился проявлять активность. Жизнь была скучна на эмоции и на новые лица. Софья Леопольдовна первое время все на это сетовала, пока дочь как-то обреченно не заметила:

– Мама, ну так получилось, что мы переехали сюда. Так получилось, что я вышла здесь замуж. И не могу же я срывать Хайнриха с места и отличной работы только потому, что в Москве вокруг нас было почти десять миллионов человек. А здесь – несколько тысяч.

Софья Леопольдовна посмотрела на дочь и поняла, что своими жалобами доставляет Ане нравственные мучения – разорваться между настроениями матери и желаниями мужа практически невозможно. «Из любой ситуации найдется выход. Пока у меня есть здоровье и какие-то деньги, я буду путешествовать!» – решила она и совершила свою первую поездку. Поехала недалеко – в Берлин, на театральный фестиваль. Войдя во вкус и обнаружив, что на территории маленькой Европы путешествуется легко и комфортно, она уже не ограничивалась известными туристическими местами. Софья Леопольдовна, буквально закрыв глаза, наугад выбирала точку на карте и ехала туда. Иногда это были милые захолустные города, просыпающиеся только часа на четыре в день – пара с утра, пара – вечером. В остальное время городки казались пустынными – все их жители работали или копались в садах. Софье Леопольдовне это очень нравилось – она пыталась представить, как бы жила, если бы вернулась на землю своих дальних немецких предков раньше, когда была помоложе. «Ну, скорее всего, поселилась бы в большом городе. И вышла замуж. Впрочем, а что мне мешало сделать это еще раз в Москве?!» – проблема несовершенного и упущенного ее порой мучила.

Софья Леопольдовна была исключительно интересной дамой, очень худой, плоскогрудой, с узкими бедрами. Это позволяло ей в любом наряде выглядеть молодо и современно. В одежде она предпочитала стиль слегка небрежный. Впрочем, в этой небрежности скрывалось предостаточно расчета. И брюки, широкие, чуть длиннее положенного, и свободный свитер, и широкий шарф – все было подобрано, выверено, просчитано. Когда Софье Леопольдовне исполнилось сорок пять лет, ей пришлось надеть очки. Она слегка расстроилась, поскольку те превратили ее в занудную училку. Но потом она, с интересом изучая историю эмиграции, наткнулась на фильм об известной певице Ларисе Мондрус. «Вот то, что мне надо сделать!» – подумала про себя Софья Леопольдовна и на следующий день отрезала длинные волосы. Теперь это была задорная молодежавая женщина с короткими вихрами, в несколько смешных очках. Софья Леопольдовна купила себе круглую роговую оправу – такие были в моде лет семьдесят назад. Ее облик от этого только выиграл. И не было мужчины, который не оглянулся бы вслед столь удивительной женщине.

– Мама, а как долго ты пробудешь в Москве? – поинтересовалась дочь Аня, наблюдая, как мать собирает вещи.

– Не знаю. Посмотрю на обстоятельства, на погоду. Жить есть где, что же волноваться заранее.

– Я и не волнуюсь. Я просто не хочу, чтобы ты скучала, тосковала.

– Я и не буду скучать. Некогда. У меня там столько встреч!

– Ну, ну, – с сомнением отозвалась Аня.

Софья Леопольдовна сделала вид, что ничего не услышала и не поняла. Она совершенно не хотела вступать в уже ставшую привычной полемику на тему: «Что же тебе, мама, не сидится дома?» Объяснить это, не затронув каких-то личных моментов, было сложно. Оставалось только напомнить дочери, что Софья Леопольдовна всегда была активной и подвижной. К тому же имелось у нее подозрение, что дочь сама тоскует по прежней московской жизни, что сама никак не впишется в новые условия и что присутствие матери притупляет ее внутреннее одиночество. «Большая уже. А если я умру? Что она делать будет? Пусть сама справляется!» – думала Софья Леопольдовна.

В Москве она останавливалась в их собственной крохотной квартирке на окраине города, где мать и дочь перед окончательным отъездом сложили старые вещи. Те, которые выбросить жаль и которые никто никогда никуда не перевозит, а выбрасывает через несколько лет после упрямого хранения. Приезжая туда, Софья Леопольдовна бочком пробиралась сквозь залежи старых, тщательно упакованных вещей, первым делом вытирала пыль, мыла пол и расстилала в углу комнаты белую плотную ткань. На ней она расставляла свою идеально чистую обувь и сумки. Почему-то последнее действие ее успокаивало и служило настоящим началом московского вояжа. Несмотря на волнение дочери, в этой загроможденной квартире Софья Леопольдовна чувствовала себя отлично. Во-первых, она была одна, во-вторых, без угрызений совести предавалась воспоминаниям о прошлых годах. В каждый приезд Софья Леопольдовна разбирала одну из коробок с вещами. В этом не было необходимости – ничего из них не увозилось в Плеттенберг, ничего не выбрасывалось. Смысл этого занятия – перелистывания старых вещей – был в воспоминаниях. В-третьих, здесь она могла запросто в два часа ночи поужинать и попить чай. И не надо было ходить на цыпочках и поджимать губы от напряжения, боясь звякнуть чашкой и загреметь ложкой. Дома с девяти вечера соблюдалась тишина: Хайнрих ложился спать рано – к шести утра он должен был быть на своем заводе. Здесь она чувствовала ту свободу, которой ей недоставало дома и которая невозможна, когда под одной крышей живут два поколения.

Марбург и Веймар Софье Леопольдовне понравились, а вот в Лейпциге лил дождь, погулять по городу не пришлось – несколько часов Софья Леопольдовна провела в кафе и книжных магазинах, где можно было с удобством почитать. К вечеру она добралась до аэропорта, а поздней ночью оказалась в Москве. Как только она вошла в здание аэропорта, как только вдохнула эту сложную смесь московских запахов, так сразу же почувствовала необычайную приподнятость – помимо того что она погуляет по московским улицам, она будет жить одна и, самое главное, наконец встретится с подругами. При мысли о них Софья Леопольдовна горделиво расправила плечи – она любила приятельниц, но неизменно чувствовала превосходство перед ними. Она одна из них троих сумела – не побоялась – кардинально изменить жизнь, переехав в другое государство. Она одна так активно путешествует, что свидетельствует о молодости ума и тела. Софья Леопольдовна любила подруг, но амбиции порой были сильнее.

Глава вторая

Первой к месту встречи подошла Ольга Евгеньевна. Убедившись, что приятельниц еще нет, она придирчиво оглядела себя в огромное окно находящегося здесь кафе. Ольга Евгеньевна поправила волосы – ей показалось, что затянутый узел растрепался, потом одернула платье, разгладила манжеты и, достав помаду, старательно наредила губы. Сложив губы, словно собиралась произнести звук «о», она промокнула их салфеткой и только тут заметила, что ее передразнивают. От волнения перед предстоящей встречей Ольга Евгеньевна не заметила, что прямо за стеклом расположен столик, за которым что-то едят двое мужчин.

«Господи, вот незадача!» Ольга Евгеньевна густо покраснела и быстро передвинулась вправо – там ее надежно прикрыла стена. «Неудобно получилось! – продолжала она переживать про себя. – Но выгляжу я отлично. Ни грамма лишнего веса, и лицо свежее, и одета... Так сразу и не скажешь, что бабушка». Она выпрямилась и переложила маленькую сумочку в другую руку. Даже со стороны было заметно, что она довольна собой.

– Ну, что ты воображаешь! Все равно мы уже старые тетки!

Голос раздался откуда-то сбоку. Ольга Евгеньевна оглянулась и увидела сухопарую, одетую, словно подросток, даму. На носу дамы сверкали смешные очки, которые делали ее похожей на черепаху.

– Софа! Ты! – Ольга Евгеньевна даже не успела обидеться, она была так рада видеть старинную подругу и так хорошо помнила ее несколько язвительную манеру говорить.

– Я. Кто же еще!

– Дай-ка я тебя поцелую, – Ольга Евгеньевна обняла подругу и горячо ее расцеловала. В ответ Софья Леопольдовна коротко коснулась губами ее щеки.

– Ты отлично выглядишь! – Ольга Евгеньевна была искренне доброжелательна.

– Дорогая, а как ты хочешь, если я все время на колесах. Я дома бываю раз-два в месяц.

– Софа, не понимаю, ты работаешь? – удивилась Ольга Евгеньевна, поражаясь тому, как молодо и современно выглядит подруга. «Лена права – волосы надо было давно отрезать! С этим кукишем на голове я просто древность», – промелькнуло у нее в голове.

– Леля, ты когда этот свой пучок уберешь?! Ты просто себя губишь!

– Брось, Софа! Ничего не гублю! Не выдумывай! Мне не идут эти короткие стрижки. У меня лицо бледное. – Тут Ольге Евгеньевне вдруг захотелось сказать, что лицо у нее не только бледное, но и тонкое, с почти прозрачной кожей, такие лица встречались на портретах Рокотова. А представьте красавиц Рокотова со стрижкой?! Нонсенс!

– Ну да! Ну да! Аристократизм и стрижки – вещи несовместимые! Леля, ты все играешь в эти игры?!

Ольга Евгеньевна смутилась и тут же рассердилась. Вот в этом была вся Софья – деликатности никакой. И зачем намекать на ту весьма анекдотичную и неловкую историю из прошлого, когда Ольга Евгеньевна, собравшись вступить в Дворянский Союз, тратила время и деньги на подтверждение своей аристократической родословной.

– Мне нужно найти сведения до тысяча девятьсот шестнадцатого года, – все разговоры Ольги Евгеньевны начинались одним и тем же. Софья Леопольдовна, чьи предки евреи, еще не успевшие в шестнадцатом году породниться с немецкими аптекарями, тогда жили за чертой оседлости, не могла сдерживать язвительности:

– Ты уж сразу в монархический союз вступай. А там, глядишь, вспомнят о союзе архангела Михаила. Лель, ты меня заранее предупреди...

Затея Ольги Евгеньевны тогда закончилась почти ничем. Вернее, закончилась как надо – она разыскала следы своих родственников, нашла даже документальное подтверждение, что ее прапрапрабабка была фрейлиной во дворце. Но как только все эти сведения были получены,

интерес Ольги Евгеньевны к Дворянскому Союзу угас. Так же резко, как возник. Появились дела более важные, более насущные, а самое главное, более интересные. На память об этом временном помешательстве остался большой альбом с фотографиями, справками, выписками. Ольга Евгеньевна не любила вспоминать о том всплеске аристократических амбиций, а Софья вот сейчас взяла и напомнила. Ссориться и обижаться было глупо, а потому Ольга Евгеньевна просто ответила:

– Брось. Я сама уже не помню те времена, а ты все их мусолишь...

– Я не мусолю, а предупреждаю твои неверные шаги.

И в этой фразе была вся Софья. Ну действительно, никто из них, кроме, разумеется, Софьи, не ставил перед собой такой важной задачи, как оберегать подруг от ошибок.

– Софья, ты лучше скажи, как Аня? Она счастлива со своим Хайнрихом?

– С Хайнрихом? – Софья Леопольдовна на секунду задумалась, а потом улыбнулась. – Конечно! Конечно, счастлива. Леля, Аня обрела вторую родину – в дочке достаточно немецкой крови, а язык она знает так же хорошо, как и русский. Она со школы читает книжки на немецком. Ей хорошо, она влилась в ту жизнь... Хайнрих помог...

Ольга Евгеньевна слушала подругу и завидовала – как просто у той все получается: одна страна, другая, путешествия, дочь, читающая на двух языках. Одним словом, весь мир на ладони. А вот она, хоть и прекрасно знает итальянский, путешествовать, уезжать далеко от дома не любит. Иногда Ольге Евгеньевне кажется, что брак с тем итальянским парламентарием не состоялся именно по этой причине: из-за страха к перемене мест, а рождение близнецов было лишь поводом.

– Да, это здорово. И ты молодец – знаю, что путешествуешь... – великодушно похвалила подругу Ольга Евгеньевна.

– Леля, я себе и представить не могу, что значит быть дома пять дней подряд. Все равно куда... – Софья Леопольдовна умолкла на полуслове.

– Ты, наверное, всю Европу объездила уже. – Ольга Евгеньевна не заметила заминки и снова почувствовала невольную зависть. Софья Леопольдовна была такой независимой, такой самостоятельной, такой всемогущей в своих желаниях, что собственная жизнь показалось Ольге Евгеньевне ограниченной и неподвижной.

– Ну, не всю, но большую часть, – спокойно, словно ничего удивительного в этом не было, заметила подруга.

– И работать успеваешь...

– Да, подключили к социологам. У нас проблема – старение нации, боятся, что скоро некому будет рожать, работать и кормить стариков, – важно сказала Софья Леопольдовна, словно находилась на передовой немецкой социологической науки, а не выполняла довольно рутинную работу. Помолчав, она огляделась:

– Слушай, что-то Зинаида опаздывает, а курить ужасно хочется.

– Ты так и не бросила? Я, например, со всеми привычками дурными завязала, – Ольга Евгеньевна с некоторым превосходством посмотрела на подругу.

– Это с какими, Леля? Ты же не курила, не пила ничего крепче березового сока и никогда не занималась чревоугодничеством.

– Ну, не скажи. Сладкое я все-таки любила. И жирненькое тоже. Но сейчас – ни-ни. Холестерин и прочее.

– Господи! И у тебя на это есть время?

– Чтобы что-то не делать, время не нужно, – нашлась Ольга Евгеньевна.

– Зануда, – бросила Софья Леопольдовна. – Ты хоть с этим своим техником-химиком разобралась?

Ольга Евгеньевна покраснела, словно первоклассница у доски.

– Мы расстались, – только и ответила она, подытожив несколько лет сложных отношений с женатым мужчиной. Подруги были в курсе и, разумеется, отговаривали ее от продолжения этого безнадежного романа.

– Ну, теперь вижу, что с дурными привычками ты действительно завязала, – промолвила Софья Леопольдовна и закурила.

– Куда же Зина делась? И почему мы не могли приехать прямо к ней? Что-то она темнит... – Софья Леопольдовна, с удовольствием затянувшись сигаретой, приготовилась с не меньшим удовольствием обсудить странности поведения Зинаиды Алексеевны.

– Не ломайте себе голову, так просто удобнее, – раздался громкий голос Лопахиной. Она вышла из машины, и приятельницы залюбовались ею – высокая, крепкая, рыжеволосая, она была большой и вместе с тем ладной. Платье, чуть свободное, тем не менее выгодно подавало фигуру, а легкие замшевые сапожки подчеркивали красоту сильных ног.

– Вот это да! Зина, ты просто красавица. И какие роскошные у тебя волосы! – Ольга Евгеньевна опять безотчетно дотронулась до своего маленького, похожего на лепешечку пучка. Не рядом с Софьей Леопольдовной, а рядом с громоздкой Лопахиной, пышущей здоровьем и энергией, она растерянно почувствовала себя немолодой.

– Быстро в машину! Все стынет! – скомандовала Лопахина.

– Надеюсь, ты не лихачишь?! – спросила Софья Леопольдовна и добавила: – Я, например, терпеть не могу Рим только по одной причине: там не могут ездить, не нарушая правила. Все несутся сломя голову. Ну, понятно, темперамент.

Лопахина что-то собралась было ответить, но в этот момент Ольга Евгеньевна произнесла с каким-то упрямством в голосе:

– А внучкам моим уже по пять лет. Совсем барышни.

Подруги закричали в один голос:

– Обставила! Обошла всех! Ах ты, Лелька, а молчала! Ты что же это скрывала? Вот молодец!

Ольга Евгеньевна растерялась от такой реакции, а потом наконец счастливо и довольно улыбнулась:

– Девочки, да мне все некогда было. Я же и мама, и папа, и бабушка, и учитель... Я ведь с ними вожусь... Иногда так устаю, что уснуть не могу.

– А детский сад? Няня? В Германии женщины очень ценят свободу, оставаясь при этом прекрасными матерями.

– Ага, прекрасные матери, чьи дети в саду и с нянями, – съязвила Лопахина, заводя машину.

– Если ты подумаешь об этом не банально, то поймешь, что тут есть рациональное зерно. Для ребенка очень важно, чтобы родители росли, состоялись как личности в плане карьеры.

– Софа, это вопрос спорный. Не будем ломать копыя, – примирительно отозвалась Лопахина. Она, как и Вяземская, вспомнила, как любит Софья спорить и как не любит прислушиваться к чужому мнению. Ольга Евгеньевна не проронила ни слова. Она рассматривала бегущий пейзаж и ловила себя на мысли о том, что за последние пять лет не была нигде, кроме квартиры, двора, где гуляла с Машей и Сашей, и дачи в Софрине. «Я совсем одичала», – вдруг подумалось ей.

– Куда мы едем? – Софья Леопольдовна вдруг обратила внимание на сменившийся пейзаж – вместо домов появился лес.

– Ко мне, девочки, – отозвалась Лопахина.

– А ты что, на дачу нас везешь?

– Нет, – ответила Лопахина, лихо повернула на маленькую дорожку, и машина подкатила к аккуратному белому забору.

– А что это? – Ольга Евгеньевна выглянула в окно.

– Приехали, выходим! – скомандовала Лопихина. Она выскочила первая и открыла дверцы, помогая выйти подругам.

– Так, что тут у нас за прятничная избушка?! – Софья Леопольдовна указала на дом Лопихиной, который виднелся из-за забора. Лопихина счастливо рассмеялась – подруга дала очень точное определение ее маленькому жилищу. Вид действительно был сказочный – нарядный беленый забор с красными кирпичными столбиками, ворота и калитка с чугунными литыми украшениями. За забором, в обрамлении двух елей, стоял невысокий остроконечный дом, окна и деревянный балкон которого пестрели яркими цветами герани. Ее Лопихина частично вырастила сама, частично купила. Теперь, глядя на все это вместе с подругами, она гордилась не только собственными достижениями, но и настойчивостью и терпением, с которыми обустроила жилище. В этой картинке было столько уюта, порядка, идиллии, что хотелось улыбнуться от умиления.

– Это – твой дом? – Софья Леопольдовна полезла за сигаретой. В голосе заядлой путешественницы, пожалуй, впервые чувствовалась растерянность. В машине ее огорошила Ольга Вяземская, которая, оказывается, уже бабушка, а Лопихина сумела построить дом.

– Да, девочки. Недосыпала, работала как лошадь, отказывала себе во всем, но дом построила.

– А московскую квартиру, конечно, продала. – Софья Леопольдовна, закурив, пришла в свое обычное критическое состояние духа.

– Конечно, нет! Двое сыновей взрослые, женятся, хоть один с жилплощадью будет!

– Разумно, – не могла не признать Софья Леопольдовна.

– Так, ну, что мы стоим, проходите! – Лопихина отворила калитку, и все прошли в малюсенький сад, имевший все тот же ухоженный, вылизанный вид. Каждая клумба, каждый куст были на своем месте и выглядели так, словно росли здесь с незапамятных времен.

– Зина, как же здорово! Как уютно! – Ольга Евгеньевна вспомнила свою дачу, которая состояла из отдельных участков, более-менее убранных и абсолютно заваленных буреломом и заросших травой и подлеском.

– Ты не представляешь, как я всего этого добивалась! Вы еще не видели мой огород! Вот полюбуйте!

Все прошли по тропинке за угол дома, и взору открылась картина овощного и салатного благолепия. Несколько грядок были покрыты квадратиками разноцветной зелени – от нежного травянистого до свекольно-бурого. Аромат укропа, петрушки, кинзы витал в воздухе. А может, это только так казалось – настолько впечатляющим был вид этого маленького огорода. Небольшую изгородь обвивали стебли зеленого горошка, а по обочине грядок поднимались подсолнухи. Они только-только начинали свой рост, еще не появились головы соцветий, но зелень, чуть мохнатая, образовала естественную изгородь.

– Лопихина, это не огород, это – произведение искусства. – Софья Леопольдовна признала совершенство сотворенного, но тут же добавила: – Хотя это не так сложно, все можно найти в немецких книжках по садоводству...

– Софа, заткнись, – вежливо попросила Вяземская, сохраняя абсолютно аристократический вид. Вообще, глядя на ее фигуру в муслиновом тончайшем сиреневом платье, на каблучках, с маленькой сумочкой и с пучком на макушке, очень хотелось вспомнить отчеты королевской хроники: «Ее Величество на выставке цветов и злаков».

– Заткнусь, – неожиданно кротко отреагировала Софья Леопольдовна.

– Девочки, прошу в дом! Должна вас, с одной стороны, огорчить, с другой – порадовать. Сыновья уехали – решили не мешать нашей «пьянке», как они выразились. Муж тоже занят, если и приедет, то очень поздно. Фотографии отсутствующих покажу, зато нам никто не будет мешать.

– Это хорошо, каждый должен чувствовать свободу и уместность своего присутствия, – снисходительно заметила Софья Леопольдовна.

– О, очень жаль! Я так хотела увидеть твоих сыновей. Я помню их подростками! – пожалела Вяземская.

Как легко заметить, в этих двух замечаниях проявилась разница характеров женщин.

Войдя в дом, подруги не могли не почувствовать тесноту. Места в нем было мало, но при этом все оказалось так разумно размещено, что опять прозвучали возгласы удивления и восхищения.

– Зина, как все удобно! – Ольга Евгеньевна кивнула на самый высокий шкаф, в котором стояли и книги, и безделушки, и макеты каких-то машин.

– На заказ сделали, для наших масштабов найти что-то подходящее в магазине почти невозможно.

– Здорово! Очень здорово! – Вяземская вдруг представила такой шкаф в своей комнате – как практично: для каждой мелочи предусмотрена своя полочка, а места он занимает совсем немного.

– Послушай, уж коль ты строила сама, почему не сделала дом просторнее? – Софья Леопольдовна практичным немецким глазом увидела все те проблемы, которые могут возникнуть в этом жилище.

– Софа, причина одна – деньги. Деньги. Я не могла размахнуться, потому что должен быть запас. Неприкосновенный запас. Сама понимаешь, нам не по двадцать лет. Вдруг кто жениться задумает, или что случится, не дай бог!

– Так, никого и ничего не слушай. Удобнее и уютнее места я не видела. А ты знаешь, в нашем Софрине дома всякие. И у соседей в гостях я была. Зина, это лучшее, что я видела, поверь мне!

– Спасибо тебе, – Лопахина обняла подругу.

– Нет, мне тоже очень нравится, – спохватилась Софья Леопольдовна, – я просто рассуждаю.

– Девочки, мойте руки, садимся за стол! Честно говорю – готовила не я. Заказала в известном ресторане, я с ним часто работаю. Обещали, что для нас все сделают исключительно хорошо!

Возникла небольшая суета: сталкиваясь в узких местах маленькой гостиной, подруги устремились в ванную, где привели себя в порядок – причесались, помыли руки и зачем-то перед самым обедом подкрасили губы. «Знаешь, я не совсем понимаю, зачем Зиночке этот огород, она могла бы там поставить маленький гостевой дом – ну, одна комнатка, гостиная, где всех принимают, а жилое пространство неприкасаемое», – зашептала Софья Леопольдовна под шум льющейся из крана воды.

Вяземская не вступила в сепаратные обсуждения:

– Софа, ты в гостях, не лезь с замечаниями. Как люди смогли, так и сделали.

– Нет, ну я же просто так...

– Софа, я тебя хорошо знаю... – Ольга Евгеньевна примирительно, но вместе с тем предостерегающе улыбнулась.

Когда они вернулись в гостиную, на столе уже были закуски, лепешки, дымилось горячее.

– Подруги, начнем с шампанского, а потом будем пить кьянти. Из Италии привезено, настоящее...

– Ах, Италия! – вдруг неожиданно воскликнула Ольга Евгеньевна, подруги посмотрели на нее с удивлением и сожалением. Они не раз обсуждали этот странный поступок Вяземской, когда она отказалась от явного счастья и любви.

– Он тебе хоть иногда пишет? – поинтересовалась Софья Леопольдовна и спросила, обращаясь к хозяйке дома: – Я закурю?

– Кури! – махнула рукой та. – К мальчишкам гости приезжают – проветриваю потом два дня. Муж только ворчит.

– Софа, не надо, перекусим, пойдем в сад, там покуришь, – Ольга Евгеньевна выразительно посмотрела на подругу. Дело в том, что Вяземская уже сталкивалась с мужем Лопахиной и вынесла о нем весьма неласковое суждение. «Да он просто хам! Как Зину угораздило выйти за него, да еще двоих детей родить?!» – подумала она тогда, но вслух никогда ничего не говорила, а только, помня об этом впечатлении, старалась, чтобы Лопахиной не доставалось от мужа из-за подруг. Но Софья не заметила предостерегающего взгляда, а может, не сочла нужным заметить. Она аппетитно затянулась сигаретой и обратилась к Вяземской:

– Так ты скажи нам, он пишет тебе? Или ты ему?

Теперь наступил черед Лопахиной укоризненно взглянуть на Софью:

– Сначала мы выпьем за встречу. За нашу дружбу, за будущее. А потом уже примемся вопросы друг другу задавать!

Женщины подняли и сомкнули бокалы. Затем настал черед угощения – все действительно оказалось очень вкусным, свежим, по-восточному острым. Было много южной зелени, которая наполнила пряным ароматом весь домик. И за трапезой подруги наконец утратили настороженность, которая неизбежна после долгой разлуки, после неизвестности – а какие перемены случились с ними, как поменялся характер? Сейчас, за столом, стало понятно, что они не переменились, были точно такими же, как и пять лет назад, и семь, и десять. Стало ясно, что они сохранили присущие им черты, не приобрели ничего такого, что отвратило бы их друг от друга, что время и обстоятельства не испортили их.

– А помните...

– А помнишь...

– А как было здорово! – то и дело слышалось в гостиной, и становилось ясно, что в первую очередь такие встречи важны из-за воспоминаний.

– Так ты бабушка?! – взоры подруг в какой-то момент обратились к Вяземской.

– Да, – радостно откликнулась та, – бабушка.

– Почему ты никому не написала, не позвонила, не сказала?!

– Девочки, все было так сложно, так непонятно. Дочка чувствовала себя не очень хорошо, я боялась сглазить.

– Ну да, о своем итальянце когда-то писала романы на пяти листах.

– Я же объясняю, очень много забот – двойня! Вы представляете, что это такое?!

– Если честно – нет! – подняла брови Софья Леопольдовна.

– Да уж, – Лопахина покачала головой. – И что же – все на тебе?

– Зачем ты спрашиваешь? Не знаешь Лелю? Конечно, на ней, – возмущенно заметила Софья Леопольдовна и добавила: – Родители, небось, сели на шею и ноги свесили.

– Нет, зачем ты так, – улыбнулась Вяземская, – я сама действительно все взвалила на свои плечи, но это стоит того. Я ведь не только вынянчила девочек, я теперь их воспитываю, прививаю манеры.

– Дворянские, – не удержалась Софья Леопольдовна.

– Представь себе, именно такие манеры у моих внучек. И образование, я хочу, чтобы они получили разностороннее. Родителям некогда, времена наступили другие.

– Времена всегда одинаковые. И деньги нужно зарабатывать, и детей воспитывать, – вздохнула Лопахина.

– Верно. Деньги я тоже зарабатываю. По-прежнему преподаю итальянский, но главное – главное – девочки. Вы не представляете, что они уже умеют делать!

– Ты что же, сама и обучаешь их?

– Господи, Софа, а что тут сложного?! Пока им пять лет – букварь, счет, истории всякие, наблюдения за растениями. Это нетрудно. Тяжелее воспитывать. Ты смеешься надо мной, над

тем, что я стараюсь привить им хорошие манеры, но, согласись, им легче будет в жизни. От этого может зависеть и удачное замужество, и карьера.

– Верно, совершенно верно, – задумчиво произнесла Лопихина.

– Я не отрицаю важности поведения, но и придавать ему такое значение... И рафинированность в этом смысле бывает смешна. Жизнь стала иной.

– Не соглашусь, любые времена были благосклонны к тем, кто уважает других. А манеры – это именно то самое.

Софья Леопольдовна хотела поспорить, но вмешалась Лопихина:

– Леля, скажи, а дочка не ревнует тебя к ним?

Вяземская, помолчав, ответила:

– Думаю, немного. Конечно, ей хотелось бы больше времени проводить с детьми, но дела, работа. В общем, без меня Лене было бы очень трудно. Она так и говорит: «Никаких нянь, никаких садиков! Пусть девочки будут с тобой!»

– Ты счастлива? – Софья Леопольдовна подняла бровь.

– Да, – торопливо ответила Ольга Евгеньевна, – я даже не представляю, что будет, если вдруг...

– Что – вдруг?

– Ну, они вырастут, в школу пойдут...

Подруги залились смехом:

– Ты что?! Они, конечно, вырастут, и бабушка будет не так нужна! Это же нормально.

– Ох, девочки, не говорите... – голос Ольги Евгеньевны дрогнул, и она быстро повернулась к Софье Леопольдовне:

– Расскажи, как же ты все успеваешь? И работаешь, и столько путешествуешь! Слушай, мне, конечно, не очень удобно спрашивать, но ведь это дорого стоит – путешествия!

Софья Леопольдовна усмехнулась:

– Видишь ли, в Европе все немножко не так, как у нас. Там все близко...

– И дорого! Знаю я – ездила. Расстояние двести километров – почти двести евро!

– Но для работающего человека это вполне приемлемо! И вообще, надо творчески подходить к таким вопросам.

– Это как?

– Ну, скидки, акции, заранее купленные билеты. Я все привыкла планировать, а потому всегда плачу меньше.

– Ну что же, это разумно! Но Софа, скажи, неужели тебе не хочется побыть дома? Делами домашними позаниматься, в уюте посидеть, книжки почитать, что-то приготовить? Неужели тебе больше нравится «на колесах» всю жизнь проводить? – Лопихина посмотрела на подругу.

– Ну, Зина, что ты! Она же не каждую неделю ездит! – возмутилась Вяземская.

– Каждую, почти каждую. Я как-то подсчитала – в месяц я дома не больше восьми дней.

– Так, подожди... Это получается два дня в неделю? Слушай, так ты, считай, дома вообще не живешь!

– Ну почему...

– Нет, ты все-таки объясни, я не понимаю, куда ты едешь и почему так часто?

– Леля, я всегда хотела посмотреть мир. Понимаешь, всегда. Когда еще училась в школе, я по вечерам брала атлас мира, такая коричневая книжечка у нас была, и рассматривала там разные страны. Я больше всего любила не физические карты, а те, где указаны дороги, города, промышленность стран. Я рассматривала и прямо себе представляла, как переезжаю с места на место, гуляю по городам. Тогда мне все казалось таким близким, легко достижимым. Но потом я выросла...

– Да, понятно... Потом этот вечный выбор: деньги на зимнюю одежду ребенку или летняя поездка к морю. Затем ребенок подрастает и просит купить уже джинсы не на рынке, а в

магазине. И не просто джинсы, а именно такие, которые стоят почти месячный оклад. А кроме джинсов еще нужны куртки, шапки, рубашки! Господи, да какие тут путешествия, в самом деле! Софа, ты совершенно правильно живешь! Ты все правильно делаешь! Ты заработала этот образ жизни! Заслужила! Ну что делать, если деньги нам доставались тяжело...

– Знаешь, я тоже иногда так думаю, начинаю переживать, корить себя. Это бывает тогда, когда вдруг, внимательно прочитав отчет банка, понимаешь, что на все свои поездки ты потратила огромные деньги. Если их сложить, то получится изрядная сумма, часть которой можно было бы оставить Ане и Хайнриху. Ну мало ли, ребенка рожать вздумают... Еще что-нибудь...

– Ага, ты мало сделала для Ани? Не выдумывай. Они люди взрослые, работающие, ты не должна по этому поводу переживать. Хотя, конечно, какой-то запас должен быть, на всякий случай. Но всего лишь запас, твой резерв!

– Ну, это есть. Я откладываю деньги. Много не получается, но откладываю...

– Вот это правильно. А из-за путешествий даже не переживай. Ты имеешь на это право. И вообще, где написано, что родители должны во всем себе отказывать, помогая детям?

– Ну, ты же понимаешь, дети, как не думать о них!

– Софа, а как Аня относится к тому, что ты так часто отсутствуешь?

– Ей приходится считаться с этим. Она же не может мне диктовать... И потом, я самостоятельная. Работаю, получаю небольшое пособие от государства... Я вполне могу себе позволить этот образ жизни.

– Слушай, ты никогда не рассказывала о ее муже. Хайнрих – имя красивое, необычное, – Вяземская мечтательно улыбнулась.

– Господи, Леля, это всего лишь немецкое произношение имени Генрих.

– Да? Нет, пусть будет Хайнрих. Так что он? Каков он?

Софья Леопольдовна достала сигарету. Только после того как прикурила, затянулась, она туманно ответила:

– Ну, не мой герой. Но и не я замужем за ним. Аня довольна, и слава богу!

– Софа, а ты все-таки молодец! Столько энергии, столько сил, столько энтузиазма!

– Ну, это было заложено во мне с детства. А сейчас у меня появились время и возможности.

– Заметь, ты сама всего достигла. Девочки, согласитесь, важно понимать, что твои успехи – это именно твои успехи! – Лопахина обвела взглядом подруг.

– Однозначно! – отозвалась Вяземская.

– Вынуждена согласиться, – иронично заметила Софья Леопольдовна и тут же спросила: – А вот ты этот свой дом сама построила? Или муж принимал участие?

Вопрос был задан прямолинейно, только Софья Леопольдовна могла его так сформулировать. Ольге Евгеньевне тоже было интересно, как Зина справилась с такой задачей, но деликатность не позволила заговорить об этом.

– Ну, конечно, он помогал. Если честно, без него я бы и половины не сделала. Он многое сам придумал, сам чертежи сделал. Ну, и, конечно, средства... Девочки, построить дом, даже такой небольшой, – это ужас сколько стоит!

– Да и земля здесь у нас тоже не дешевая, – поддержала ее Софья Леопольдовна. – Впрочем, у вас тут сотки две, не больше?

Вяземская громко закашлялась, привлекая к себе внимание. Ольге Евгеньевне очень хотелось уберечь Лопахину от всякого рода неудобных и не совсем тактичных вопросов, на которые была так ловка их подруга.

– Что ты? – посмотрела на Вяземскую Зинаида Алексеевна. – Поперхнулась? Сейчас я тебе воды налью. А соток у нас пять. Не много и не мало. Как видишь, и на садик места хватило, и на огород.

– На огородик, – заметила верная себе Софья Леопольдовна.

– Ну, на огородик, – благодушно согласилась хозяйка. – Как бы то ни было, а без мужа я бы не справилась, на втором этаже столько вопросов было с перегородкой – нам хотелось выкроить место для гардеробной. Если бы он расчеты не сделал...

– То их бы запросто сделала бы ты. Если самолетное крыло умеешь начертить, то гардеробную и подавно... – Софья Леопольдовна возвысила подругу, принизила ее мужа, и непонятно было, хорошо это или плохо. Вяземской показалось, что Зина обрадовалась бы, если бы отдали должное мужу.

– Нет, что ни говори, а мужская помощь в таких вопросах неоценима, – миролюбиво заметила она.

– Вы – неисправимы, хлебом не корми, а мужикам фимиам воскури.

– Не фимиам, а должное отдаем.

– Бросьте, мы им ничего не должны, даже комплиментов.

– Софа, ты неисправима... – Лопахина рассмеялась. – А если говорить серьезно, то очень хочется подвести итоги. Мы не виделись пять лет. За это время у нас у всех произошло много событий, мы благодаря нашим способностям, силе духа, упорству добились очень многого. Леля, ты стала не только бабушкой! Ты стала наставницей, близким, доверенным человеком, ты воспитываешь своих внушек, и они, я уверена, будут достойными наследницами всего того, чем обладаешь ты сама: душевной красоты, благородства, ума. Софа, глядя на тебя, начинаешь понимать, что возраст для женщины – это такое богатство, такое сокровище, которое надо холить и лелеять, ибо нет ничего, что так красит и поддерживает умную женщину, как ее года. Что касается меня, я горжусь тем, что смогла воплотить в жизнь мечту. Я построила дом. Ах, девочки, как это приятно, понимать, что ты построил свой дом!

– Ну, ну, раньше это относилось к мужчинам – посади дерево, построй дом, вырасти сына. А теперь перед нами сидит изумительная, яркая женщина, которая безумно счастлива от того, что решила проблему ленточного фундамента, двухскатной крыши и еще чего-то в этом роде... – Софья Леопольдовна улыбнулась. – Есть тост – за хозяйку дома!

– Тем более что она не только дом построила, а еще и свое дело отлично знает! Зина, я не задам тебе вопрос, как ты все успеваешь. Это дурацкий, избитый вопрос, я задам другой: когда ты успеваешь быть счастливой? – Вяземская подняла свой бокал.

– А вот когда все успеваю, тогда и счастье наступает, – рассмеялась Зина.

Подруги, подозрительно похлопывая носами, счастливо улыбаясь, опять сдвинули бокалы.

Где-то через два часа после того как была выпита и вторая бутылка кьянти, Зинаида Алексеевна провозгласила:

– Торт нас ждет специальный, моего собственного изготовления. Девочки, все диеты потом, сегодня будем есть торт. Настоящий, со сливочным кремом, бисквитным тестом и прослойкой из смородинового джема.

– Твой знаменитый «Венок»? – Раскрасневшаяся Вяземская убрала со лба прядь волос, которая выбилась из пучка-лепешечки. Ольга Евгеньевна очень пожалела, что нарядилась в узкое тонкое платье, – она так объелась, что оно теперь оказалось немного тесным. А тут еще предстояло отведать знаменитый торт «Венок», который получил премию на специальной выставке кондитерского искусства. Этот торт был очень маслянистым, очень нежным, с вкраплением кислого джема. Но самым вкусным была верхушка из сливочного мороженого, немного подтаявшего и образующего на бисквите нежную пенку.

– Зина, что ты делаешь! Я уже так объелась! – Ольга Евгеньевна откинулась на мягкую спинку стула.

– Ничего страшного! Пара кусочков торта с кофе не повредит здоровью.

– Не повредит! Хотя, впрочем, не в коня корм! – горделиво сказала она, намекая на свое удачное сухощавое сложение, которому калории нипочем.

– Счастливица, – искренне произнесла Лопихина, – а мне приходится два разгрузочных дня в неделю, бег в воскресенье...

Вяземская промолчала – она следила за собой, но вот заставить себя заниматься спортом было выше ее сил.

И вот посуду убрали в посудомоечную машину, Лопихина постелила яркую большую салфетку, на которую водрузила высокую подставку с огромным тортом. Он действительно имел форму венка – из отверстия посередине выглядывала марципановая веточка ландыша.

– Господи, это все ты сама?! – в один голос воскликнули подруги.

– А кто же еще? Девочки, я работаю иногда по двенадцать часов в день. Такие заказы бывают, что только глаз да глаз, – рассмеялась Лопихина, расставляя чайные чашки.

– Ты – героиня! Ты единственная из нас продолжаешь работать и занимаешься мужским делом. А мы так! – Ольга Евгеньевна растроганно посмотрела на кондитерское великолепие, стоящее посередине стола.

– Ну, – запальчиво было начала Софья Леопольдовна...

– Софа, успокойся, твои социологические исследования крайне важны, спору нет, но попробуй испеки такое чудо! – улыбнулась Вяземская.

– Да, уж, – Софья Леопольдовна уже тихонько отковыряла от цветочков марципановую глазурь.

– А вот и чай, девочки! Ну, наливаю...

В это время во дворе послышался шум. Ольга Евгеньевна и Софья Леопольдовна с удивлением посмотрели на Лопихину.

– О, это, наверное, муж! – воскликнула та, и на ее лице появилась неуверенная улыбка.

– Зина, может, мы поедем домой? Неудобно, он с работы, отдохнуть хочет...

– Ерунда, – бросила Лопихина, – мы только начали. Мы еще пойдем погулять, снова перекусим. Я вас оставляю ночевать – ребят же дома сегодня не будет, – а утром позавтракаем и поедем в Москву.

– Ох, неудобно, неудобно, – засуетилась Вяземская.

– Слушай, Зина, почему он в дом не проходит? – по обыкновению задала неловкий вопрос Софья Леопольдовна.

Вяземская тихо закатила глаза, а Лопихина на секунду растерялась.

– Ну, не знаю, пойду посмотрю, что там такое...

Она вышла из гостиной, и подруги услышали, как хлопнула входная дверь.

– Софа, думаю, нам надо уехать. Неудобно. Вроде бы все обсудили, обо всем поговорили, все рассказали.

– Ну, посмотрим. Странно все это. Почему он не входит?

– Ах, оставь, мало ли что у людей...

– Нет, не скажи. Что он, в лесу вырос...

– Софа, что ты за человек?! Промолчать не можешь?

Подруга в ответ независимо задыхала сигаретой.

– И покурить можно на улице...

– Ну уж нет. На улице, судя по всему, отношения выясняют...

В это время опять хлопнула дверь, и появилась Лопихина.

– Зиночка, спасибо тебе огромное! Очень все вкусно было, а мы тут с Софой решили, что нам пора... Не беспокойся, мы сами доберемся до Москвы, я заприметила автобусную остановку неподалеку от поворота к тебе.

– Девочки, все хорошо. Муж не заходит, потому что приехал не один, с ним специалисты: надо посмотреть ту стену дома – там вентиляция, и с ней маленькие проблемы. Когда рабочие закончат, он к нам присоединится.

– Так если они будут что-то ремонтировать, мы тем более мешать будем, – не могла угомониться Вяземская.

– Пейте чай и попробуйте наконец мой торт. – Лопихина как будто не слышала подруг.

Она взялась за нож и кондитерскую лопаточку, отрезала кусочек, и в это время дом содрогнулся от ужасного шума. Шум этот, вопреки ожиданиям, не умолк через какое-то время, а продолжал сотрясать воздух. Женщины вздрогнули, попытались что-то сказать, но не тут-то было – они друг друга не слышали. Лопихина с каким-то странным выражением посмотрела в окно и вздохнула.

– Зина, торт великолепный, – неожиданно громко и твердо произнесла Софья Леопольдовна, – я лучше не ела. Ни разу в жизни. А моя мама, как я говорила, была изумительной руководельницей в этом смысле. Нет, тебе премию не зря дали за него. И патент! Ты, Зина, просто гениальный кондитер. Творец!

Вяземская обомлела от этой тирады. Со двора доносился все тот же грохот, но сила голоса Софьи Леопольдовны Кнор побеждала, как и побеждала ее подоспевшая вовремя немецкая тактичность – что бы ни происходило, надо было вести беседу и делать вид, что ничего не происходит.

– Да что ты! – произнесла Лопихина, но подружки скорее прочитали ее слова по губам.

– Нет, нет, ты действительно талантлива, – поспешила прокричать Вяземская с набитым ртом. Она от растерянности откусила слишком большой кусок.

Ольга Евгеньевна внезапно поняла, что, несмотря на странность ситуации, уезжать из этого дома в данный момент нельзя – станет очевидна неловкость. Придется некоторое время еще побыть здесь, чтобы хозяйка не чувствовала себя виноватой в том, что испорчен вечер. Придется кричать изо всех сил, делать вид, что слышишь ответ, и внимать шуму. Она оглянулась за помощью к Софье Леопольдовне, та понимающе и успокаивающе кивнула – мол, все нормально, доверься мне. В критические минуты она умела взять бразды правления в свои руки.

– Зина, может, там им помочь надо? – Софья Леопольдовна кивнула в сторону окна. – Может, они справиться не могут?

– Не знаю, надеюсь, скоро это кончится.

Однако она ошиблась – безумно неприятный звук, с которым что-то врезалось в ближайшую стену, только нарастал.

– Ты сюда именно смородиновый джем кладешь, да? – проорала тогда со светской интонацией Софья Леопольдовна.

– Да, только разрыхлитель здесь не подойдет. Лучше обычную соду, с уксусом, – невпопад ответила Лопихина. Она то ли не расслышала, то ли находилась в растерянности.

– Ага, я поняла, так и стану делать, – как ни в чем не бывало отозвалась Кнор.

– Кирпич не такой пористый материал, как блоки, – нетактично сказала Вяземская, но это произошло от того, что у нее вдруг заломило затылок.

– Зиночка, а что там происходит? У вас еще не закончился ремонт? – Софья Леопольдовна указала в направлении шума.

Лопихина не расслышала вопрос, но догадалась, что интересуется подруг.

– Ну, там вентиляция и коммуникации, провода...

– А, – понимающе протянули те.

Прошло еще немного времени, за которые Софья Леопольдовна собственноручно взялась сварить кофе, Ольга Евгеньевна, поддерживая беседу, пыталась выяснить у хозяйки, кто изображен на большой картине, что висела на стене напротив. Лопихина же только кивала

головой. Наконец, когда запахло подгоревшим кофе и Софья Леопольдовна громко поинтересовалась, где найти губку, чтобы протереть плиту, Лопихина вдруг вскочила со своего места, схватила связку ключей, лежавшую на столе, и выбежала на улицу. Через секунду шум стих, теперь слышались только громкие голоса. Как люди деликатные, женщины, оставшиеся в доме, одновременно заговорили друг с другом.

– Ты на самолете в Москву прилетела? – спросила Вяземская.

– У вас хорошее лето стоит, а у нас дожди, – сказала Кнор.

Потом они грустно улыбнулись друг другу и опять в один голос произнесли:

– Неудобно как! И вроде уезжать нельзя...

Почти в это же время за окном промелькнули фигуры, хлопнула калитка, и Лопихина вернулась в дом.

– Зина, как хочешь, я еще себе тортика отрежу! – сказала Софья Леопольдовна.

Лопихина растерянно посмотрела на подруг, а потом... Потом она рухнула на стул и горько заплакала.

Глава третья

Через три часа мизансцена практически не поменялась. Только было тихо, и в этой тишине звучал мягкий голос Ольги Евгеньевны.

– И представляете, я иду из ванной комнаты и слышу, как он ей говорит: «Давай возьмем няню! Лучше будет. Когда за услуги платишь деньги, проще требовать! Думай, Лена, думай. В доме обстановка нервная». А дочь ему отвечает как ни в чем не бывало. Словно она согласна с ним. Словно тоже считает меня неспособной справиться с подрастающими девочками. «Знаю, – говорит Лена. – Я сама не понимаю, откуда идет это вселенское раздражение. Вроде бы мама отлично справляется с девочками: они всегда веселы, сыты, ухожены». А зять выскакивает в прихожую с бутербродом в руке – он вечно на ходу что-то дожевывает, внучки пытаются его копировать, к сожалению. Так вот, выскакивает и таким раздраженным тоном продолжает: «И что она там им рассказывает по-итальянски? Я давно заметил, если они начинают плакать, она что-то говорит по-итальянски, и девочки сразу затихают. Нет, это, конечно, хорошо, что она может справиться с их капризами, но все же, все же, что она им говорит?! Что им, пятилетним, она может рассказывать?»

Вяземская перевела дух, глотнула вина и продолжила:

– Слышу, дочь отвечает: «Я тоже удивлялась, а потом взяла и спросила напрямую. Представляешь, это обычная скороговорка. Как у нас. Ну, например, про Карла и кораллы. Мама им сказала, что это секретное заклинание. Оно не дает злости стать большой. Девочки поверили». И что, вы думаете, ей ответил зять? Он крикнул: «Ты с ума сошла! Они же все это будут рассказывать. Их засмеют». Ну, дочка успокаивать его стала, мол, ерунда, не волнуйся. Дети отлично чувствуют, что можно говорить, а что нельзя. Но в конце вдруг так серьезно говорит: «Няню надо искать. Ты прав. И чем раньше мы этим займемся, тем безболезненнее все пройдет!» Потом Лена подошла к мужу, поцеловала его, проводила до двери. Зять ушел. А я и не знаю что делать. До этого раза ни одного слова про няню я не слышала. А вот теперь оказывается, они эти разговоры вели за моей спиной. И им не нравится, как я с девочками общаюсь.

– А они не заметили, что ты подслушиваешь? – по-деловому осведомилась Софья Леопольдовна.

– Нет, я в такой нише спряталась, – ответила Вяземская, – у нас там всякий хлам лежит типа раскладных стульчиков, старых удочек и прочего. Лена с мужем меня не заметили, я потом проскользнула к себе в комнату и все думала, думала об услышанном. А потом не выдержала, подошла к дочери. Мне хотелось узнать, что их как родителей не устраивает. Но я же не могла признаться, что слышала разговор, поэтому издалека начала. О том, о сем, о кружках, куда надо записать девочек, об отпуске предстоящем... Лена охотно на разговор откликнулась, но я по лицу видела, что она боится мне про няню сказать. Только когда я упомянула о занятиях английским и итальянским, она вдруг перебила меня:

– Мама, мне не нравится, что ты все время играешь с детьми. Понимаешь, ты все время изображаешь что-то. Как будто у вас цирк, а не серьезные дела. Девочки ведь должны понимать, что все, чему их учат, очень важно.

И я вдруг поняла, ее раздражали и эти «непонятные» итальянские слова, и вечный смех в детской, и песенки, и театральные налеты на всех повседневных делах.

– Мама, это перебор. Это уже не воспитание, а потакание капризам и инфантильности, – сказала она мне.

– Лена, твоим дочерям всего по пять лет, – напомнила я. Но она отмахнулась. И я поняла, что дочери хочется, чтобы дети себя вели как взрослые, осознанно подавляя собственные желания.

Лена еще долго говорила, упрекала меня, так, что я даже устала слушать. Я просто кивала головой, стараясь делать вид, что меня это вовсе не обижает. Что это просто разговор о мелочах, которые надо обсудить. И что отношения с дочерью совсем не поменяются после нашего разговора. Я делала вид и понимала, что это совершенно напрасно. Не будут отношения такими же.

– Успеется. Не волнуйся. Пока им всего по пять лет, – повторила я, пытаюсь успокоить ее, и вызвала еще большее недовольство. После этого она в открытую обвинила меня в том, что я недостаточно серьезно отношусь в процессе воспитания.

Еще я поняла, что Лене неудобно перед мужем. Анатолий – человек математического склада. Душа его тоже математическая. Он не понимает, как можно отклоняться от планов, графиков, распорядков. «Ольга Евгеньевна, если вы решили с девочками идти гулять – надо обязательно идти. Неважно, что они сейчас играют или читают», – не раз говорил он мне.

– Толя, а если они заняты очень важным делом? Например, лечат больную куклу? Или рисуют? На прогулку можно выйти и через полчаса, – пыталась объяснить я.

– В пять лет важных дел не бывает, – снисходительно отвечал тридцатилетний Анатолий.

Я не придавала значения всем подобным его замечаниям. Думала, это просто разговоры. А вот оказалось, что все более серьезно.

Ольга Евгеньевна помолчала, а потом призналась:

– Неделю назад впервые Лена честно сказала, что девочкам нужна няня и что она как раз сейчас ищет подходящую кандидатуру. Я все-таки думала, что не услышу этого. Надеюсь, что дочь просто поддакивала мужу, что пройдет время, и вопрос сам по себе исчезнет, как исчезнут нелепые придирки ко мне. Однако Лена завела об этом разговор, и мне стало ясно, что вопрос почти решен. Я чуть не задохнулась от боли и обиды, но уже через пять минут как ни в чем не бывало улыбнулась.

– Дочка, я разве не справляюсь? – не выдержав, спросила я.

– Мама, спасибо тебе большое. Ты сделала самое трудное. Ты вырастила их. Но сейчас им нужно больше, чем песенки и сказки. Им необходимо серьезное обучение. Мы хотим, чтобы они рано пошли в школу. Надо развивать способности. Ты не справишься. Это должен делать профессионал.

– А няня? Где вы ее возьмете? Где она станет жить? И вообще, как это все будет выглядеть?

– Мам, да сейчас вообще проблем никаких с поиском няни нет. А места у нас вдоволь! – отмахнулась Лена.

Оказывается, любая перемена в моем возрасте – болезненная штука. Я тогда вдруг испугалась, что лишусь привычной и такой милой жизни с внучками. Больше на эту тему мы не разговаривали.

– И что? Что сейчас? Они нашли няню? Ты видела ее? – Софья Леопольдовна с жалостью посмотрела на подругу.

– Нет, они не стали мне говорить, кто это. Только рассказали, что у нее много отличных рекомендаций. Ну что ж, познакомимся, когда она выйдет на работу.

– А дочь все-таки что сказала?

– Что сказала? Она сказала, что теперь я смогу отдохнуть, заняться своими делами. Что буду чаще видеться с подругами. Что она видит, как мне скучно без них.

– Но, Леля, это же правда! Ты не можешь всю себя отдавать детям и внучкам! Это неправильно! – воскликнула Кнор и опять закурила.

– Софа, все было неожиданно для меня. И еще я вдруг подумала, что дочь близорука. Она не понимает меня или не хочет понять. Не понимает, что лишает меня смысла жизни, что с кровью отрывает от сердца самое дорогое, сокровенное. Я подумала, что да, скучаю я по подругам. Но у них всех свои дела. Вот как у меня внучки. Как у меня были внучки, а теперь

что? Два репетиторских урока в неделю. И... Все. Больше у меня ничего нет. Ну, книжки, парк, магазин. Соседки. Я их терпеть не могу. Что еще? Может, кино? Ну, да. Мультфильмы. Но уже без девочек. Господи! Девочки! Да зачем им эта няня?! Я же человек с высшим образованием, знаю два иностранных языка, школу с золотой медалью окончила. Я астрономию за девятый класс помню как таблицу умножения! Зачем им няня?!

Вяземская замолчала. В глазах у нее стояли слезы.

– Перестань сейчас же! Перестань плакать! Ну, подумаешь, няня! Разве она заменит бабушку родную! Что за глупости! – Софья Леопольдовна вдруг вскочила и бросилась обнимать подругу. От этой открытой поддержки, этого участия Вяземская раскисла совсем и уже заплакала, не сдерживаясь, причитая сквозь всхлипы:

– У меня же ничего... абсолютно ничего не осталось. У меня нет никого, с кем бы я могла пойти в кино, погулять, поделиться чем-то! Я же все свое время отдала им. Лене и внучкам. Но я не жалуясь, я просто не хочу это терять!

– Успокойся! Успокойся! – Теперь Лопихина, на лице которой еще не высохли слезы, бросилась утешать Вяземскую. – Вот будет у тебя свободное время, и появятся те, с кем можно и гулять, и в кино...

– Да не надо мне это, понимаешь, не надо! Мне нужны они... Я думала, к школе их подготовлю, по музеям водить буду, на экскурсии поеду...

– Да поедешь, поведешь, но чуть позже...

– Нет, они заберут у меня их!

Вяземская не могла успокоиться, в ее голосе уже слышалась истерика, та, которая нередко заканчивается сердечным приступом.

– Замолчи! – вдруг проорала над ее ухом Софья Леопольдовна. – Замолчи! О чем ты плачешь?! На что жалуешься?! У тебя есть внучки! Понимаешь, они уже у тебя есть! И они знают, что у них есть бабушка. И дочь тебя любит! Только по молодости и глупости обижает! Но вы все равно одна семья, один дом. А ты попробуй, как я, на птичьих правах, когда точно знаешь, что тебя еле терпят. Когда знаешь, что дочери из-за тебя все время мозг выедают. Когда следят за каждым твоим шагом и все время делают замечания: «У нас так не принято!», «Мы не привыкли», «Это у вас там можно было, а у нас здесь порядок!» Я слышать не могу этот его скрипучий голос! Голос человека, гортань которого словно от древности высохла. А ведь он молод!

– Подожди, Софа, ты о чем? О ком?! – Вяземская изумилась горечи и страданию, которые слышались в голосе Кнор.

– О себе, о себе. О них. Вернее, о нем, а она не может заступиться! Ну, то есть я ее понимаю, любит его, старается и с ним отношения сохранить, и со мной не поссориться. Мне жаль ее, но бывает так обидно, так обидно...

– Господи, Софа, да объясни же, наконец! – в один голос вскричали Лопихина и Вяземская.

– Ну, что вам объяснить? От хорошей жизни я езжу черт знает по каким захолустьям? На столицы Европы, видите ли, у меня не всегда есть деньги.

Подруги переглянулись.

– Ты всегда была активной, энергичной, ты вообще никогда не сидела на месте.

– Да, но сейчас бы согласилась посидеть. Не мотаться по экскурсиям, а ходить на работу, обычную, рутинную. Возвращаться вечером домой, ужинать и валяться с ногами на диване, щелкая пультом телевизора. Впрочем, последним я занимаюсь часто, только не у себя дома, а в мотелях или частных пансионатах.

– Софа, в чем дело?

– В Хайнрихе. В нем. Зануда злобный, не оставляет Аню ни на минуту. Он ее пилит, пилит... Выговаривает за все, включая мое поведение. Якобы очень вызывающее. За то, что

покупаю не то, что надо. За то, что трачу деньги, вступаю в беседы с незнакомыми людьми. Да за все... Я ему мешаю...

– Ты ничего не говорила, – растерянно проговорили подруги чуть ли не разом.

– А зачем? Вы обе такие... Такие... У вас все хорошо, все по-человечески! А у меня там... Ни старых друзей, ни новых, ни семьи, в которой чувствовала бы себя свободно. Нет, жаловаться я не могла! И, знаешь, Зина, я так рада, что ты нас пригласила сюда и что твой муж устроил этот безумный шум, благодаря которому мы наконец честно смогли признаться друг другу во всем, что с нами происходит. А то играем, как актрисы провинциальной антрепризы.

– Послушай, если у тебя такие сложные отношения с зятем, поживи отдельно! Ты же столько денег тратишь на поездки, что вполне можешь снять квартиру! – воскликнула Лопихина.

– Я пробовала. Даже нашла маленькую, почти рядом с ними.

– И что? Почему не переехала?

– Аня попросила остаться. Она у меня не очень многословна, лишнего не скажет. Значит, есть причины на то...

– Но ты же все равно уезжаешь? Ты практически не живешь с ними...

– Наверное, психологически ощущается мое присутствие. Я все равно возвращаюсь...

– Ты темнишь...

– Нет же. Просто это такое банальное объяснение, что кажется, будто я что-то скрываю.

В комнате повисло молчание. Вяземская тихо вытерла слезы, с которыми так и не сумела справиться, Лопихина шумно высморкалась.

– Понимаете, я там не прижилась. Может, и этот Хайнрих не так уж плох. Просто живет по своим привычным правилам. Как все они там. Но я...

Я не могу, мне там тошно, – тихо сказала Софья Леопольдовна. – Девочки, я элементарно не прижилась в другой стране. Да, у меня есть знакомые, хорошие, неглупые люди, но разговаривать с ними – все равно что говорить с теми, кто потерял обоняние. Понимаете, мы совсем разные. И стать такой, как они, я не смогу. Мне плохо, очень плохо... Я путешествую, уезжаю, чтобы отвлечься от этого состояния, от тоски. Чтобы обмануть себя, заставить себя поверить, что я живу. Чтобы движение вокруг меня было, перемены... Ох, я никогда ничего не говорила, но вы себе представить не можете, как тяжело.

– Да, и в голову не приходило, глядя на тебя, такую энергичную, самоуверенную, что у тебя такое на душе!

– Ах! – махнула рукой Софья Леопольдовна и залилась слезами.

Лопихина растерянно оглядела стол:

– Да, погуляли. Повеселились. А все Лопихин с этим чертовым перфоратором. Все он с его мстительностью! Девочки, я ненавижу его. Иногда кажется, что убила бы!

– Как же так? Он ведь тебе помогал с домом, у вас двое сыновей! – все это в один голос, всхлипывая, прокричали Вяземская и Кнор.

– А-а! – отмахнулась Лопухина. – Я, как и вы, пыль в глаза пускала. Нет у нас нормальной жизни. Живем назло другу другу. И делаем все назло другу другу, и, что, самое ужасное, остановиться не можем. Бедные мальчишки...

– Они уже большие, – заметила Софья Леопольдовна.

– Твоя Аня тоже не маленькая, а ты жалеешь ее.

– Конечно, конечно... Извини. Слушай, а почему так у вас?

Лопихина залпом осушила свой бокал.

– О, история длинная, скучная, банальная. – Зинаида Алексеевна, оглядев накрытый стол, вздохнула при виде белоснежного торта и рассказала то, что так упорно скрывала от подруг.

В трудные времена в семье Лопахиных не хватало многого, в том числе и преданности. Именно с этим Зинаиде Алексеевне не повезло. Пока она боролась с нуждой, муж, сохраняя внешнюю лояльность, завел любовницу. Лопахина прознала об этом быстро, но ни разу не устроила скандала – подрастали сыновья. Отца они любили, и Зинаиде Алексеевне приходилось совсем туго – она изображала если не счастье, то покой. Муж это очень быстро обнаружил и теперь вовсю пользовался безнаказанностью. Связи, сменявшие одна другую, длительные командировки, отпуска врозь и, наконец, отдельные спальни. Зинаида Алексеевна уже была не рада собственной самоотверженности – муж со своими бабами надоел до чертиков. И сыновья уже выросли, а ей все не хватало духу развестись. «Ну, сейчас затею я это все, и что? Дом, только что выстроенный, придется делить, мальчишки, хоть и взрослые, переживать будут, мать старенькая покой совсем потеряет. Да и некогда на это время и силы тратить, надо дело расширять, а тут...» – эти мысли посещали ее неоднократно. Так она и лавировала между злостью, презрением, усталостью и каким-то щемящим чувством, которое, судя по всему, называлось привычкой. Привыкла она к своему беспутному Лопахину, даже не всегда злилась на него за похождения, больше ей досаждали его неожиданные выходки, которые она объясняла его вредностью и невоспитанностью. Именно история с перфоратором была отличной иллюстрацией манер и повадок мужа. Он отлично знал, что приедут гости, видел, как жена готовится к этому, и не удержался, чтобы не испортить ей настроение. Иногда Лопахиной казалось, что он мстит ей. Мстит за то, что она более удачливая в делах, что всегда в хорошем настроении, что легко относится к проблемам. Действительно, трудности Зинаида Алексеевна встречала с улыбкой, в то время как муж злился, матерился и готов был кричать: «Все пропало!» Лопахина же все делала молча, споро и быстро выбиралась из проблем.

Жизнь в семье всегда была сложной – спасала работа и мечта о доме. А еще Лопахина очень боялась, что об этих ее домашних стыдных неурядицах узнают подруги. Ей казалось, что ее терпимость ко всему, что привнес в их семью муж, сродни безволию, зависимости и отсутствию гордости. Поэтому в дружеском кругу Зинаида Алексеевна отзывалась о муже неизменно тепло, превозносила его деловые качества и ни намеком не обнаруживала истинное положение дел. Даже сегодня утром, почти случайно заглянув в компьютер мужа и обнаружив там множество снимков с эффектной блондинкой, она сначала только усмехнулась про себя. Но уже через мгновение поняла, что настроение испорчено. «И чего я полезла туда?! Пусть все это исчезнет!» – бормотала она, уже стоя в душе и пытаясь отрегулировать горячую воду. Душевая кабина вскоре наполнилась шумом воды и плачем. Зинаида Алексеевна плакала не из-за измены мужа, не из-за этой блондинки с соблазнительным бюстом. Она плакала, жалея себя, свою жизнь, сыновей и свой малюсенький домик. Ей очень хотелось счастья, такого же маленького, но окончательного, точного, верного. А его на горизонте и не предвиделось.

В глубине души поселились разочарование и усталость. «Надо было развестись. Давно. А теперь у меня нет сил! И я чувствую себя просто душой!» – эта мысль не давала ей покоя все то время, пока она добиралась до Москвы, чтобы забрать подруг.

– Мне даже и в голову не могло прийти, что у вас такие отношения, – произнесла Софья Леопольдовна, когда Лопахина закончила свой рассказ. – Ну, ладно, гуляет. Ну, ладно, характер. Но, Зина, объясни про сегодняшний шум. Что это было? Зачем?

– Я же объясняю, это и был весь Лопахин. Он знал, что вы придете в гости, а потому назвал мне привел рабочих.

– Господи, и не поленился... – Вяземская, несмотря на некоторую трагичность ситуации, не могла не улыбнуться.

– Да, а вот попроси его что-нибудь сделать, пройдет три года, прежде чем соберется. И сделает не так, как надо...

– Ну, понеслось! – Софья Леопольдовна закатила глаза. – Зина, будь благоразумна. Не все так ужасно, ты просто не можешь простить измену.

– Да, – согласилась Лопихина и добавила: – Вы не поверите, я так мечтала об этом доме, так представляла жизнь в нем. А сейчас... Сейчас иногда я хочу сбежать отсюда. И постоянно задаю себе вопрос: а зачем я все это затеяла? Для кого? Для каких таких времен, ведь мне уже столько лет!

– Сколько?! Ты, матушка, с ума сошла! Пятьдесят лет – это не возраст! – Софья Леопольдовна возмущенно запыхтела. Ольга Евгеньевна только вздохнула:

– А я тоже считаю, что нам уже много лет...

– Это потому что ты на голове свой пучок дурацкий носишь!

– При чем тут пучок?! – изумилась Вяземская.

– Да при том, что человек не имеет права себя старить! Ни одеждой, ни походкой, ни отношением к жизни. А твой кукиш в виде блина – это все сразу: и прическа, и отношение к жизни.

– И походка, еще скажи! – Лопихина фыркнула.

– А если хочешь, и походка. С другой головой и ходят по-другому.

– Девочки, оставьте в покое мой пучок. Софа, обещаю, я отрежу волосы и сделаю короткую модную стрижку. Но... потом...

– Когда? – Софья Леопольдовна готова была вцепиться в нее, как клещ.

– Потом... Сначала мне нужно привыкнуть, что жизнь изменится... Дома все эти разговоры, но не явные, а за моей спиной, и няню будут смотреть без меня, дабы я не расстроилась. Дураки, не понимают, что я уже расстроилась, мне уже плохо. Ох, я даже не хочу возвращаться домой. И деться некуда.

– Не выдумывай. Хотя... я ведь тоже понимаю, что мне нет места там, рядом с молодыми... Я готова остаться здесь и жить в нашей крохотной, заставленной вещами квартире. Но там даже ногу некуда поставить...

Вяземская только вздохнула. Сетования подруги казались ей надуманными. Велика беда, зять, с которым общий язык найти сложно... Но как только Ольга Евгеньевна произнесла про себя слово «зять», она тут же поняла, что проблемы всех троих не только в конфликте с окружающими. Дело в другом. В том, что некоторые назовут жизненными ошибками или стечением обстоятельств, а на самом деле это их собственная боязнь, их страх перед будущим и неумение сделать решительный шаг. Словно читая ее мысли, поднялась Лопихина и произнесла:

– Все, больше не могу. Да, не могу с ним жить!

Вяземская и Кнор замерли на месте.

– Господи, давай без трагедий, Зиночка! Все будет нормально, ну, подумаешь, чего не случается в семейной жизни. Еще внуков будете воспитывать, – Софья Леопольдовна осеклась, бросив взгляд на зареванную Вяземскую.

– Господи, да не про это я! Если я с ним не развелась раньше, потому что жалела и себя, и его, потому что надеялась, то сейчас у меня нет времени на все эти тяжбы и хлопоты. Я просто хочу пожить одна. Без него, без семьи! Все! Я тяну эту ляжку с девяностых годов. Хватит, все они люди взрослые, без меня проживут!

– Ты о чем?

– Девочки, давайте сбежим куда-нибудь! Все равно куда! Ну хоть на некоторое время!

– Куда мы сбежим? – недоуменно подняла плечи Кнор. – Это раньше сбегали на курорты. Во времена Антона Павловича Чехова. А сейчас?! О чем ты говоришь?!

– Я знаю, что говорю. Только слова не очень верные подбираю, – огрызнулась Лопихина. – Вот, например, давайте снимем дом один на троих! И попробуем пожить в нем. Немного. Насколько хватит сил и терпения. Мы поставим себе цель жить так, как мечталось в молодости. Ну, я имею в виду вещи возможные. Реальные.

– Ты с ума сошла! – покачала головой Вяземская. – Куда мы пойдем?! Как это будет выглядеть? А как родным объясним?

– Так и объясним: «Достали вы нас! Мы на год-другой самостоятельные стали», – воинственно заявила Софья Леопольдовна. – Заодно пусть и они от нас отдохнут. Зина, я – за! Я готова! Леля! Решайся!

Вяземская в растерянности смотрела на подруг. Она даже представить себе не могла, что уедет хоть на день из дома. От дочери, от того самого зятя, который «отодвигал» ее от воспитательного и педагогического процессов. И самое главное, она и помыслить боялась о том, что может хоть на какое-то время покинуть внучек. Нет, она не хочет никуда ехать. Ведь только она исчезнет, ее место займут. В сердцах маленьких девочек поселится другая, чужая женщина и станет родной, близкой. Это в лучшем случае! А если она будет плохо обращаться с ними? И никто не проследит, никто не заметит этого – родители вечно заняты. Нет, Ольга Евгеньевна не хотела никуда уезжать, хоть и все перемены, которые надвигались, разрывали ее душу.

– Я – не могу! Я просто не могу себе этого позволить! Вы представляете, к нам в дом придет посторонний человек, как я оставлю без присмотра девочек?!

– Господи! Леля! Дай же дочери и зятю отдохнуть от тебя! Пойми, они ведь тоже устали от твоей деятельности. Они имеют право на свои желания, свои планы. Не спорю, могли бы сначала с тобой поговорить, но, в конце концов, они – родители твоих внучек, им решать. Что же ты вцепилась в этот свой статус «воспитательницы наследников»?! Леля, подумай сама, когда еще тебе удастся пожить вот так: одной, в полной свободе, наедине со своими желаниями. Слушай, надо дать себе отдых, надо хоть раз в жизни совершить что-то, что совсем не укладывается в привычные рамки.

– А ты? Ты что, не будешь переживать за Аню? Она сама просила тебя не переезжать...

– Буду переживать, но ничего не поделаешь, я приняла решение. Мне, по сути, возвращаться некуда, – Софья Леопольдовна улыбнулась и, обращаясь к Лопахиной, произнесла: – Зина, ты просто гений! Как славно, что тебе в голову пришла эта идея.

– Я – не гений, просто надо что-то делать с нашими жизнями.

– Девочки, а... Ну, надо же посчитать, во сколько нам все обойдется? Для этого деньги нужны! – деликатная Вяземская старалась охладить пыл подруг.

– Втроем осилим. Я уверена, – отрубила Лопахина. – Завтра же я начну собирать информацию, что, где сдается и сколько это стоит. Потом мы будем смотреть – только надо быстро реагировать, хорошие варианты долго не ждут. Вы готовы?!

– Готовы, готовы! Что ты спрашиваешь! – Софья Леопольдовна решительно махнула рукой.

– Я даже не знаю! – Ольга Евгеньевна покачала головой. – И как об этом сказать Лене?

– Так и сказать. Ты имеешь право на собственную жизнь?

– Имею. Наверное. – Ольга Евгеньевна даже подумать не могла, как она заведет разговор об отъезде и вообще об этой идее.

– Девочки, решено. Давайте по-деловому подойдем к этому вопросу, а потому поставим сроки. На поиски отведем недели две. На переезд – три дня.

– Почему так мало? – удивилась Вяземская.

– Потому что запал нужно сохранить. А то все в разговорах и обсуждениях потонет. Ну, думаю, близким скажем, как только найдем дом и отдадим предоплату. Кстати, о деньгах. Если у кого-то проблемы, не волнуйтесь. Я могу на первое время одолжить. У меня на закупку отложено, но что-то пока ничего подходящего не нашло.

– Все будет зависеть от аренды. Но, конечно, и другие траты посчитать надо.

– Тогда сбор через два дня. Я прикину расходы, проживание и все остальное. Вот и обсудим.

– Отлично. Решили. А теперь я могу с чистой совестью взять второй кусок торта. Он у тебя замечательный. – Софья Леопольдовна улыбнулась и добавила, глядя на Вяземскую: – Леля, у нас начинается новая жизнь. Это, черт возьми, так приятно.

Летний вечер выдался дождливый и ветреный. Прохожих на улицах не было. Глядя на бесконечные лужи, сорванные с веток листья и мокрые фасады, мечталось о теплом пледе, горячем чае и символе уюта – камине. Вяземская, промокшая и уже деликатно проклиная в душе их затею, приехала первой. Она вцепилась обеими руками в большую чашку какао, которую ей принесла официантка, и стала обдумывать речь. «Ситуация не проста, что и говорить. Скажу, денег нет – Лопахина предложит. Скажу, внучки не отпускают – Кнор засмеет, да еще выведет на чистую воду. Она обожает уличать. Ну, можно сказать, плохо себя чувствую, хочу подлечиться, буду ходить на процедуры. Или что в санаторий должна поехать. Точно!» – как только она все это подумала, сзади раздался бодрый голос Софьи Леопольдовны:

– Ну, я уже предвкушаю, как встретят эту новость мои! Ничего, ничего, давно надо было что-то такое предпринять. Но, понимаешь, я хоть и решительная дама, это все знают, а в одиночку все же как-то страшно. А тут... Тут все просто... Да?

– Да, – растерявшись, согласилась Вяземская.

– Ну, очень хорошо, что наконец решилась. А то сама понимаешь, все время держаться за кого-то, даже пусть это и близкие родственники, не очень дальновидно.

Вяземская еще больше растерялась – она поняла, что все, придуманное до этого, как-то стало очень неубедительным. В санаторий можно и позже поехать, жить они, судя по всему, собираются за городом, а там самое место о здоровье заботиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.